

Княгиня, которая умела летать

Николай Хрипков

2024-02-19

Contents

Княгиня, которая умела летать	1
-	31
Попытки использования самолетов и аэростатов в османской армии	34

Княгиня, которая умела летать

Повесть

1

Она не могла умереть от старости или болезни в своей постели, окруженная рыдающими родственниками, друзьями, детьми и внуками. Она всегда знала об этом. Такая смерть была не для нее.

Ей на роду была написана бурная жизнь и нелепая смерть от пули или клинка. Но это ее нисколько не страшило. Напротив, она считала это вполне достойным окончанием своей шальной жизни. Пугала ли ее такая смерть? Ничуть! Она столько раз была на волосок от гибели, постоянно ходила по лезвию ножа, поэтому не сомневалась, что когда-то ей не повезет. Но ее естество, душа, пусть искалеченная, почерневшая, как головешка, противились этому, как всегда жизнь противится смерти и стремится избежать ее. Может, ей снова удастся обмануть судьбу, как это удавалось до сих пор. А может там в горних высотах ее ангел-хранитель бережет ее и будет отводить от нее костлявую руку старухи-смерти? Она не рядовая особа, не обычный человеческий мусор, а сверхчеловек, которого воспел и призвал к жизни Фридрих Ницше, ее любимый немец, такой же сумасшедший, как и она, на которого с недоумением взирали окружающие.

Она рвалась в небо. С высоты птичьего полета люди предстают в своей подлинной ипостаси, мелкие, ничтожные, никудышные с такими же никчемными, как и они, желаниями. Поэтому пошла в революцию, приняла ее, это она, аристократка, представительница знатного рода. Она должна была блистать в салонах, вызывать зависть у других дам своими бриллиантами, пить из высоких бокалов французское вино. Но нет! Революция дала ей в руки оружие, карающий меч и теперь она вершила судьбы людей. Она стала богом, верховным существом, которое могло любого лишить жизни. Она нажимала на спусковой крючок именного нагана и с равнодушием смотрела на предсмертные конвульсии очередной жертвы. Убить человека так же просто, как растоптать букашку. Коллеги удивлялись ее хладнокровию, какому-то ледяному спокойствию и равнодушию. А некоторые испытывали страх перед ней и отводили взгляд, чтобы не смотреть прямо в ее черные цыганские глаза.

В последнее время стали замечать странности в ее поведении. Она беспричинно смеялась, рассказывала о Вельзевуле, Нероне, Калигуле, Малюте Скуратове. Ее глаза блестели, движения становились порывистыми. Секрет раскрылся. Красная княгиня подседа на кокаин и уже в скором времени не могла обходиться без белого порошка. Начиналась ломка, страшно болела голова. У нее появился постоянный доставщик, который даже не требовал с нее денег. Ему было достаточно того, что она не застрелит его как бешеную собаку. А деньги он вернет с других клиентов, продав им заразу с наценкой.

Чекисты снимали напряжение, усталость дедовским способом. Они устраивали очередную попойку. Достать спиртное для них не составляло никакого труда. И зачастую бесплатно. В их среде ходила поговорка, что трезвый чекист – это агент Антанты.

Напивались в стельку. Кто-то засыпал за столом, кто-то на полу, кричали, пытаясь что-то доказать друг другу. Споры порой перерастали в мордобой, но до оружия дело не доходило. Под пьяную руку расстреливали очередную партию из подвала, после чего довольные отправлялись снова за стол и хвастались, кто сколько застрелил. Арестованные никогда не знали доживут ли они до следующего утра. На расстрел могли вывести в любое время.

Из-за чего вспыхнула ссора на этот раз, потом уже не мог вспомнить никто. В прочем, это было обычно. Вот прозвучал первый выстрел. Кто выстрелил, тоже никто не мог вспомнить. Стали выхватывать револьверы и палить лишь бы палить. Помещение наполнилось пороховым дымом. И ничего уже нельзя было разобрать. Лица в тумане расплывались. Она тоже

стреляла. Потом уже выяснили, что пятеро человек получили ранения в этой перестрелке. На их счастье несерьезные, потому как никто специально не целился. Но всё же они остались живы. Только ей не повезло. Ее рана оказалась смертельной. Она какое-то время билась в конвульсиях, потом затихла и лицо ее окаменело. Перед этим она почувствовала, как что-то нестерпимо горячее обожгло ее грудь, но продолжала стрелять, уже механически нажимая спусковой крючок. Когда она упала, то выронила наган. Сознание ее мутилось, пелена застилала глаза. Она поняла, что умирает. Нет, она не испытывала ужаса перед смертью. Это было удивление. «Как же это так? Неужели сейчас меня уже не будет? Разве такое возможно?» Она всегда была готова к смерти, но не представляла, что это произойдет так буднично, так нелепо. Одно дело героическая смерть, а другое смерть от случайной пули, выпущенной пьяной рукой. Она всегда надеялась, что это будет романтическая красивая смерть.

Считается, что в последние мгновения жизни в душе умирающего проносятся мгновенно картины его прошлой жизни. Они мелькают как кадры фильма, поставленного на ускорение. Если это так, то что могла увидеть Евгения Михайловна Шаховская, урожденная Андреева, потомственная аристократка, первая российская женщина-авиатор, сотрудница Киевского ВЧК, которую прозвали красной княгиней, дьяволом в юбке и при имени которой бледнели даже кадровые офицеры, прошедшие через горнило мировой и гражданской войн и при одном упоминании о которой мирные обыватели падали в обморок?

2

Она увидела полутемный сырой подвал с серыми стенами, в углу которого стояла лужица. Вода набегала через маленькое окошко, которое было под самым потолком.

Окошко было зарешечено. Хотя и так через него мог пролезть только очень худой человек. Но вряд ли нашлись бы желающие делать это. Пешеходы старались поспешно обойти это проклятое место.

Из-под железного абажура тускло светила лампочка. Свет ее не мог пробить темных углов подвала. Еще широкий стол, крытый залоснившимся зеленым сукном, который иногда принимались мыть с мылом, но от этого оно не становилось чище.

Она могла допрашивать и днем. Но это было другое. К ночи она изрядно накачивала себя алкоголем, морфием или кокаином. И ее деятельная натура требовала острых ощущений. Ей хотелось двигаться, что-то осуществить. Ощущение было

такое, какое она испытывала, когда аэроплан отрывался от земли и взмывал вверх. И тебе хотелось громко вопить. Если для нее ночь – это время подъема, обострения чувств, то для того, кого приводили на допрос, это было время сна. Рефлексы были заторможены и хотелось одного, чтобы это быстрее закончилось. Мозг в полусонном состоянии, ощущения притуплены, и каждая частица твоего тела жаждет покоя, тишины, темноты. Движения становятся замедленными, не сразу понимаешь, чего от тебя хотят и как ты должен отвечать. В глаза тебе бьет свет лампы и вопрос сыплется за вопросом. И если замедлишь с ответом, то тебя оглушают самым грязным матом и болезненным ударом. Ты должен себя держать в напряжении, контролировать, поскольку вопросы могут быть с подвохом, какие-нибудь вопросы-ловушки, на которые дознаватели были большие мастера. Нужно выдерживать свою линию: либо я буду говорить то, что желают от меня услышать, либо ничего вам не скажу, сволочи краснозадые, либо такое наплету, что вам за неделю не расплести, где правда, а где ложь. А если у тебя нет твердой линии, и ты кидаешься от одного к другому, то тебя быстро сломают.

Ночной допрос всегда давал лучший результат, человек быстрее ломался и готов был сдать мать родную, лишь бы его оставили в покое, отвели назад в камеру, где бы он упал на доски с грязным матрасом, набитым соломой, которая слежалась, свалялась и топорщилась из дыр.

Она не любила, когда к ней на допрос приводили измученного, истерзанного пытками арестанта, всё тело и лицо которого было в кровоподтеках, а порой с отрезанными ушами или пальцами. А еще хуже, если были выбиты зубы, и он мямлил что-то невнятное. Ей нравилось, когда приводили свеженького, не тронутого еще офицера, который еще вчера или позавчера крутился перед зеркалом, рассматривая себя, подкручивая ус и предвкушая, какое впечатление он произведет на местных простушек. Переход от жизни, полной радостей и наслаждений, к аду настолько был стремительным, что кто-то представлял это лишь как дурной сон, который должен был скоро закончиться. Теперь ей было понятно желание мужчин непременно отыметь девственницу, которую еще никто не ласкал, стать первооткрывателем и перевести наивную девицу на новую ступень бытия, у которой уже был мужчина, что сделал с ней то, чего она так долго боялась и чего так ждала как неотвратимого. Ей нравилось иметь дело со свежими офицерами, что были в еще чистых и целых мундирах. Некоторые из них даже пытались заигрывать с ней, игриво закатывая глаза и причмокивая. Она представляла, что еще

несколько лет назад могла оказаться в постели с любым из них, и они лежали бы бок о бок, уставшие и потные, пили бы холодное шампанское из высоких бокалов и курили длинные пахитоски, лениво переговариваясь.

Но теперь не они, но она имела их, причем в самых извращенных формах, которые только могла подсказать ее фантазия, распаленная алкоголем и наркотиками. И это доставляла ей особое наслаждение, которое было сладостней любых постельных утех.

Начальство хвалило ее.

Сейчас она смотрела на холеное лицо и уже видела во что скоро превратится эта смазливая мордашка, от которой млели глупые барышни. Вот бы показать вам ее после этой встречи!

Она закурила.

- Мадмуазель, не угостит папироской? Знаете, у меня свои закончились. Я не рассчитывал на то, что мое пребывание здесь несколько затянется.

- Чуть позднее, - ответила она, улыбаясь. - Чуть позднее.

- Пуркуа?

Ну, недолго тебе придется надувать щеки.

- Давайте говорить по-русски. Всё-таки вы у нас, а не у французигов в их охранке. И здесь, как вы уже, наверно, догадались, не светский салон.

- Ну, что ж давайте! - согласился он. - Хотя я не сомневаюсь, что у вас прекрасный французский. Так что вы хотите услышать от меня?

- Всё! Всё о вашей дивизии. Численность, вооружение, командный состав, планы командования. А так же, с какой целью вы оказались в городе. Подробности только приветствуются.

- Мадмуазель, этого я не могу рассказать даже вам.

- Неужели? Откуда такая самоуверенность. Я уже было решила, что между нами установились самые доверительные отношения.

Наклонилась, быстро выбросила руку и зажала его нос пальцами, усиливая давление. Он совершенно не ожидал этого, питая надежду, что их легкий диалог будет иметь продолжение. Боль ужасная и унижительная. На конце носа, его крыльях много рецепторов, весьма чувствительных. Поэтому даже легкий удар в нос бывает болезненным. Из глаз потоком льются слезы, человек открытым ртом судорожно хватается воздух и ничего

не может сказать. В прежние века отрезали носы, лишая человека чувствительности. Только увидев, что офицер уже в полубморочном состоянии, она убрала руку.

- Ну! – повелительно проговорила она, с брезгливой grimасой вытирая пальцы, которыми она только что зажимала ему нос.

- Я не дам вам такой информации.

- А мне кажется, что дадите. Нет! Я неверно выразилась. Не кажется, я уверена в этом.

Она зашла ему за спину и накинула ему на шею поясok, затягивая его все серьезнее. Он побагровел, пытался просунуть пальцы под поясok, но ему никак не удавалось это. Когда она опустила поясok, он долго откашливался и глотал широко открытым ртом воздух. На его щеках блестели слезы. Это у боевого-то офицера, который воевал уже несколько лет. Прежнего лоска не осталось и следа. Но не успел он отдышаться, как последовал удар в челюсть. Удар был сильный, хорошо поставленный. Он упал вместе со стулом. И она тут же наступила сапогом ему на промежность. Он завыл. Ухватился обеими руками за ее сапог, но не мог сдвинуть его ни на миллиметр.

- Так больно? – спросила она.

Теперь в ее руках были щипцы, которыми давили скорлупу орехов. Она вертела ими перед собой. Потом наклонилась, быстро схватила его руку, засунула палец в щипцы, надавила, хруст.

- Ничего! У нас же десять пальчиков. Так что у нас всё еще впереди.

После третьего раздавленного пальца офицер заговорил. Он хотел теперь одного, чтобы всё это закончилось. Как угодно! Хоть расстрелом. Он держал перед собой окровавленные руки и говорил, говорил, говорил.

-

Пытки, будут широко использоваться в подвалах ЧК. Тут они проявятся поистине дьявольскую изобретательность

По воспоминаниям бывших узников следственной тюрьмы, известной как «Сухановка» или Спецобъект №110, там практиковались пытки 52 видов. В 1938 году тюрьму оборудовали в помещении монастыря Святой Екатерины в Подмосковье. Подробный список методов, которые использовались для получения нужных властям показаний, составила и опубликовала

в книге «Сухановская тюрьма. Спецобъект 110» историк, исследователь ГУЛАГа Лидия Головкова.

Самой простой пыткой было избиение, пишет исследователь. Избивать людей могли сутками без перерыва, посменно — следователи меняли друг друга, работали не покладая рук. Еще один довольно распространенный в то время способ получения показаний — испытание бессонницей: заключенного могли в течение 10-20 дней на долгое время лишать сна.

Были в арсенале палачей и более изощренные средства. Жертву во время допроса сажали на ножку табуретки таким образом, что при любом движении подследственного она входила в прямую кишку. Другим истязанием была «ласточка» — заключенным за спиной связывали длинным полотенцем голову и ноги. Вытерпеть такое невозможно, но людей в подобном положении держали часами.

Изобретательность следователей-садистов можно сравнить с изощренной фантазией киношных маньяков.

Людям под ногти загоняли булавки, отбивали дверьми пальцы, сажали в так называемые «салотопки» — карцеры, где поддерживали высокую температуру. Пытали заключенных и в бочках с холодной водой. Следователь мог заставлять жертву пить чужую мочу.

Свидетельств о том, что кто-либо выдерживал нечеловеческие мучения, практически нет. В тюрьмах ломали бывалых военных. Генерал Сидякин после истязаний сошел с ума: Головкова пишет, что он начал выть и лаять по-собачьи. Многих после допросов отправляли на принудительное лечение в психиатрические больницы. Из документов известен один случай, когда заключенный уцелел в спецучреждении и выдержал пытки.

Михаил Кедров, бывший чекист, который пожаловался на злоупотребления в органах, прошел через пыточную тюрьму, не сознавшись в обвинениях. Это помогло ему на суде — его оправдали. Правда, уйти от сталинских палачей ему не удалось: после начала Великой Отечественной войны его расстреляли без возобновления следствия по приказу Лаврентия Берии.

Машины-убийцы

Комиссар госбезопасности часто лично издевался над жертвами. Перед расстрелами заключенных он приказывал своим подручным избивать их. Видимо, это доставляло главному сталинскому палачу какое-то особое удовольствие.

На спецобъекте у Лаврентия Берии имелся личный кабинет, из которого на персональном лифте можно было спуститься в помещения для пыток.

Известны и примеры когда нацистские палачи перенимали опыт советских «коллег». В НКВД придумали специальные автозаки, которые были самыми настоящими машинами для убийства. Выхлопная труба у них выводилась внутрь кузова, и заключенные умирали при перевозке - их тела сразу везли в крематорий. Данный метод гитлеровцы применяли в концентрационных лагерях.

Так что Евгения Михайловна Шаховская стояла у истоков будущей пыточной машины.

3

Она увидела свою петроградскую квартиру. Она стоит у окна. Серое небо, серые здания, серый бульвар. И люди должно быть такие серые, как весь этот мир под серым петроградским небом.

Она так не может. Для нее жить значит рисковать, чувствовать, как учащенно бьется сердце и от опасности мурашки бегут по всему телу, и немеют пятки, и кружится голова.

Всё поменялось. И только это небо и эти здания остались прежними, и она впервые не знает, как ей быть, как ей найти место в этом бурлящем водовороте, чью сторону принять. Ее родственники, друзья, знакомые бежали из Совдепии на юг к армии белых или в Европу. Ее тоже уговаривали бежать. Ведь с ее титулом она никак не вписывалась в новую жизнь. Но она не может бежать на юг, потому что там не только ее друзья, но и ее враги, которые настаивают на смертном приговоре, считая ее предательницей. Они никогда не простят ее, как и она не простит их.

Большевики считали сиволапыми варварами, которые уничтожат всё, что создавалось веками. Ведь они пели «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Но всё-таки они ей были больше по душе, чем те, кто объявлял их исчадием ада. Они до банального просто объясняли мироустройство: вся человеческая история - это борьба угнетаемых против угнетателей. И вот угнетаемые одержали победу. Теперь они уничтожат угнетателей и наступит царство братства, равенства и свободы. Они снесут дворцы, выбросят на свалку старую культуру, вместо которой создадут новую. И теперь угнетаемые будут вершить историю и делать ее по своему разумению. Смешная сказка! Но народ поверил в эту сказку и пошел за большевиками.

В дверь раздался сильный стук. Она вздрогнула. Кто это мог быть? Ничего хорошего от неожиданного визита она не ожидала. Так могут стучать только те, кто чувствует себя хозяевами этой жизни. Она открыла. Делала она это спокойно. Даже руки не тряслись. В коридор вошли трое красногвардейцев, оттеснив ее к стене. Следом появился плотный мужчина в кожанке и сверкающих сапогах. Сапоги визгливо скрипели.

- Гражданка Шаховская?

- Да.

- В квартире есть кто посторонний?

Красногвардейцы заглянули в залу, спальную комнату, на кухню. Приклады винтовок стучали по полу.

- Я одна.

- Следуйте за нами!

Она даже не испугалась. Такое ощущение, что это происходит не с ней.

- Могу я собрать вещи?

- Ничего не надо.

Значит, расстреляют. Даже не довезут. Заведут куда-нибудь в боковой тупик и изрешетят пулями. Одно плохо. Если будут стрелять в голову, то изобразят лицо. Она даже после смерти хотела оставаться красивой. Когда она закрыла дверь, ключ у нее не забрали. Странно!

Никакой вины перед новой властью у нет нет. Но это не имело значения. Уничтожали за то, что ты офицер, за то, что ты принадлежал к эксплуататорским классам. Могли расстрелять и за то, что занимаешь просторную квартиру, за то, что имеешь прислугу.

В кабинете она увидела на задней стене два больших цветных портрета, двух бородатых немцев Маркса и Энгельса, которые стали большевистскими апостолами. А когда-то на этом месте висел портрет царя. Комиссар вскинул голову.

- Гражданка Шаховская! Прошу присаживаться!

Она спросила:

- Я арестована?

- Напротив.

Комиссар был явно из марийцев или мордвы. Этот типаж не нравился ей.

- Напротив – это как?

- А напротив это так, Евгения Михайловна. О вашем существовании знает товарищ Луначарский. Он позвонил и поинтересовался о вашем существовании, чем вы заняты.

- Что с того?

- Что я мог сказать? Что вы живете тихой обывательской жизни. Редко покидаете свою квартиру. Нигде не бываете, не работаете.

- Я бы рада. Но вы же знаете, что сейчас крайне затруднительно найти работу. Разве только разгружать баржи.

- Знаю. Вот Анатолий Васильевич предложил вас трудоустроить. И мы предлагаем вам работу. Нет! Нет! Баржи вам не придется разгружать. Не та у вас конституция.

- Кем?

- У нас.

- У вас? Довольно неожиданно.

- Вы будете нашим внештатным сотрудником.

- Осведомительницей? Так это следует понимать?

- Можно так сказать. Женщина вы видная, известная. В Петрограде осталось немало ваших знакомых. Вы будете посещать рестораны, театры, дома своих знакомых и сообщать нам, о чем там говорят, какие там строят планы. Работа, как видите, не пыльная. Ну, вы сами всё прекрасно понимаете. О деньгах не беспокойтесь. Так что вы скажите, Евгения Михайловна? Согласен, предложение несколько неожиданное для дамы вашего ранга.

Как будто груз с души свалился. Вот она определенность.

- Я согласна.

Она увидела удивление на лице комиссара. Он никак не ожидал, что она так быстро примет подобное предложение.

- У меня одно условие. Могу я посмотреть свое личное дело. Только не говорите, что у вас нет такого.

- Почему бы нет? Я распоряжусь.

Дело ее нашли. Но взять с собой не разрешили. Можно было читать и копировать. Она пристроилась в пустующем кабинете,

листала дело, выписывая имена тех, кто решал ее судьбу, и их адреса. Теперь они были в ее руках. Вот как повернулась жизнь! Пришел ее час! То, о чем она мечтала в тюрьме, то, что казалось ей несбыточным, воплотилось в явь. Какая же это будет неожиданность для ее врагов, которые жаждали стереть ее в порошок.

Она выслеживала этих людей, узнавала, где они живут. А найти вину на них не составляло никакого труда. Тем более, что в ЧК не требовали доказательств вины, а тем паче какого-то расследования. Одного их происхождения было вполне достаточно для применения к ним меры высшей социальной справедливости. Но некоторые из них успели убежать. Это было досадно. Но кое у кого остались родственники. Что же? Пусть они ответят. А как-то она обратилась к начальнику ЧК, чтобы он разрешил ей привести собственноручно смертный приговор. Тот удивленно посмотрел на нее, почмокал губами.

- Вы когда-нибудь убивали людей?

- Нет.

- Для многих это мучительная процедура. Им трудно перешагнуть через остатки человечности. Хотя это буржуазный предрассудок.

- Я лишена предрассудков.

Когда она расстреливала в первый раз, то испытала неведомое ранее ей ощущение. Она демиург, вершитель судеб человечества. А это не такое уж и сложное дело.

3

Видела она, как идет по длинным залам Гатчинского дворца, который стал при большевиках музеем, что спасло его от разгрома и расхищения. Теперь он был под охраной властей.

Музей находился в управлении комиссии, которая назначила его сотрудников. Сама же комиссия подчинялась наркому Луначарскому. Княгиня никогда не интересовалась музеями и удивилась, когда ей предложили там работать. Но нарком был убедителен. Авиации, если не считать нескольких аэропланов, в советской республике не существовало, а вот дворцов, которые остались от прежней власти, было в преизбытке. И нужно было всё это богатство поставить под контроль и не допустить его расхищения. Новую власть Гатчинский дворец

интересовал никак памятник культуры, а как хранилище ценностей, в которых нуждались большевики. Ценности можно было обменять на оружие, продовольствие, медикаменты у той же мировой буржуазии. Нужна была инвентаризация этого богатства, его оценка, чтобы не отдать это задарма. Шаховская не была специалистом в этом деле, но наркомому нужен был человек, который бы наблюдал и контролировал специалистов, о те, разумеется, были из буржуазной среды.

Вот она идет по длинным пустым залам музея. Впереди и сзади ее чекистов, на боку у которых внушительных размеров наганы. Их кожаные ремни и сапоги скрипят. И этот скрип раздражает ее. Редкие сотрудники, которые попадались на их пути, превращались в статуи и желали только одного, чтобы их не заметили и вздыхали с облегчением, когда тройца удалялась от них.

Ничего так не боялись, как ЧК. Председатель Петроградского ЧК Глеб Иванович Бокий стал мифической личностью, выходцем из ада, ибо обычный человек не может быть таким. Чекисты были полноценными хозяева бывшей столицы империи. Они могли расправиться с любым без суда и следствия. Никто им не был указ и некому было на них жаловаться. Обывателя даже здание ЧК обходили стороной и при одном упоминании ее крестились «Чур меня!» Слухи о зверствах в ЧК леденили мозг, заставляли сжиматься в комок.

Она ожидала чего угодно: что ее будут пытать, истязать, насиловать. Но следователь оказался интеллигентным человеком, обращался к ней на вы, называл ее по имени и отчеству и ни раз не позволил себе повысить голос. Она решили, что он из семьи интеллигентов.

- В чем меня обвиняют?

- В причастности к крупным хищениям, совершенным из музея, в сговоре с...

Он назвал несколько фамилий. Все они были знакомы ей, так как тоже служили в музее.

- Смешно, - сказала она. - Конечно, я всех их знаю, поскольку они сотрудники музея. Естественно, мне приходилось общаться с ними. Но если бы вы лучше были осведомлены, то вам было бы ясно, что я никоим образом не могу быть причастна к хищениям, если они имели место быть. Я вообще не имела дела ни с какими драгоценностями.

- Чем же вы тогда занимались, гражданка Шаховская? Будьте так любезны, обрисуйте мне круг ваших занятий.

- А я ничем не занималась. Я должна была только наблюдать и докладывать.

- Кому?

- А вот позвоните по этому номеру!

Она попросила бумагу и ручку и записала номер телефона.

Почему-то следователя это разозлило.

- Почему я должен отрывать наркома от его дел? И откуда у вас его номер телефона? По факту хищения уже расстреляно несколько сотрудников музея. И теперь вы на очереди. Хотя, может быть, чистосердечное признание и спасет вам жизнь. Так что советую вам быть искренней со мной.

Шаховская вздохнула.

- Видно это у меня написано на роду. Царская власть приговаривала меня к расстрелу, обвинив в шпионаже в пользу Германии. И только революция спасла мне жизнь. Новая власть снова собирается меня расстреливать. И тоже по ложному обвинению. Гражданин следователь, я официально заявляю, что ни на какие ваши вопросы я отвечать не буду. И буду говорить только с товарищем Бокия. Или расстреляйте меня!

- Товарищу Бокия больше делать нечего.

Она повернула голову к зарешеченному окну. За окном был небольшой дворик с кирпичной стеной.

- У нас все говорят. Но я вам не советую доводить дело до этого. Вот вам ручка, бумага, пишите признательное показание. Постарайтесь не упустить никаких подробностей.

Она взяла ручку и написала крупными буквами через весь лист «Бокия! Бокия! Бокия!» Следователь хотел вырвать у нее лист, но передумал. Пусть пишет что угодно, а все равно напишет, что надо.

- Видит Бог, хотя и не хотел этого.

Он поднялся. И тут же зазвонил телефон. Он поспешно схватил трубку и вытянулся в струнку.

- Глеб Иванович! Всё, конечно, исполню.

Он вызвал красноармейца.

- Отведи гражданку к товарищу Бокия!

Она медленно поднялась, поглядела на следователя и улыбнулась. Он отвел взгляд.

-

Глеб Иванович Бокия родился в дворянской семье. Отец его был химиком и автором учебника по химии. Его брат и сестра были учеными. Считал себя украинцем и на студенческих вечеринках появлялся в украинском национальном костюме. Участвовал в деятельности студенческих и революционных кружков.

Глеб был очень властный, властный и жестокий.

Бокий прославился тем, что вместе со студентами-забастовщиками решил сорвать экзамен, разлив в аудитории жидкость с крайне отвратительным запахом (меркаптан), за что получил от некоторых учащихся презрительное прозвище «скунс».

Во время путешествия в Киргизские степи его со спутниками приняли по ошибке за царских чиновников, и Бокий только чудом спас группу благодаря своей смекалке. Он согнал отару овец, после чего «устроил что-то вроде знамени», сделал пару выстрелов и двинулся вперед. Перепуганные овцы заметались, из-за чего поднялась пыль: бунтовщики разбежались, решив, что за клубами этой пыли скрывался большой карательный отряд^[12].

Неоднократно арестовывался полицией. Активно участвовал в первой русской революции. Создал шифр, который не смогли дешифровать специалисты из охранки.

Благодаря освоенному в Горном институте математическому и физическому курсам Бокий обрёл научные знания, которые помогали ему обеспечить работу по шифрованию и дешифрованию сообщений в революционном подполье, а опыт организаторской работы Бокого в подполье в дальнейшем сыграл важную роль в создании Спецотдела ВЧК.

Максим Горький, который вместе с Бокием и Маргаритой Ямшиковой участвовал в издании журнала «Молодая Россия»^[26], характеризовал Бокия следующими словами: «Человек из породы революционеров-большевиков, старого, несокрушимого закала».

О том, сколько и каких приговоров он подписывал за время своей деятельности на посту заместителя Урицкого, Бокий не рассказывал, но говорил, что присутствовал при расстрелах, чтобы его коллеги не обвиняли его в попытке свалить обязанности на плечи других людей.

После убийства Урицкого 31 августа 1918 года Бокий возглавил обе ЧК, занимая эти посты до ноября 1918 года.

С 12 июля 1921 года по февраль 1922 года Бокий был членом Коллегии ВЧК.

12 апреля 1921 года на заседании Малого Совнаркома Бокий выступил с проектом создания в РСФСР Специального отдела при ВЧК — «центра, объединяющего и направляющего деятельность шифровальных органов различных ведомств».

Расстрелян в 1937 году.

4

Она увидела, как она снова идет на Гороховую улицу к знакомому дому, возле которого днем и ночью дежурят филеры и доносят о каждом посетителе. Но это ее не беспокоило. Никто ее не останавливал, не хватал за руки и не тащил в охранку, чтобы устроить допрос. В западных газетах ее уже похоронили, она якобы была приговорена к расстрелу. Сколько уже раз ее хоронят. Говорят, что это хорошая примета. Значит, будет долго жить. В других газетах сообщали, что ее всё=таки помиловали, причем помилование исходило от императорской особы. Ах, какая честь! Выходит, что даже там на самом верху знают о ее существовании. Помиловали ее потому, что она якобы была беременная, правда, сама она не могла сказать, от кого забеременела. Оказывается, что она еще и великая грешница. Ее приговорили к пожизненному заключению в монастырской тюрьме. Как это по-русски! Через эту участь прошли даже коронованные особы. Как это повелось со времен Ивана Грозного, что негодниц отправляли заживо гнить в монастырском узилище, так это и осталось до наших дней. Ничего не меняется на Руси! Забавно было читать об этом. И эти газетки весьма повеселили ее.

Идиоты! Они даже не знают, что монастырских тюрем уже несколько лет нет в России. А когда они были, то туда могли отправлять только лиц духовного звания.

Ей нравилось такое внимание к ее особе. Для общественности она уже давно стала дьяволом в юбке, ибо не может нормальная женщина летать на аэропланах и устраивать гонки на авто. А еще она устраивает оргии, меняет любовников, как перчатки, курит папиросы, пьет как лошадь и может выразиться похлеще ломового извозчика. Она заключила договор с сатаной, продав ему душу за бессмертие, поэтому и не боится никаких опасностей.

5

Она увидела, как стоит в строю в черной кожаной куртке, в крепких ботинках, плечом к плечу с боевыми летчиками Ковенского разведывательного полка. Единственная женщина! Полковник поздравляет их с зачислением в полк, говорит, какая честь им выпала служить в знаменитом полку, который покрыл себя боевой славой. Она была счастлива, только что не прыгала и не хлопала в ладоши, как девчонка. Она будет летать и не просто летать, а выполнять боевые задания.

Женщинами-летчицами уже никого не удивишь. Они есть не только в Германии, Франции, но и в России. Она была под номером четыре в этом списке. Но женщина – боевая летчица она первая.

Это новая глава в книге о выдающихся женщинах, где наряду с Клеопатрой, Марией Стюарт, Екатериной Великой будет стоять и ее имя, первой женщины боевой летчицы.

Вечером по поводу зачисления в полк устроили пирушку. Пьянки в боевых частях после начала военных действий были строго запрещены. Но известно, что в России строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения. Когда в России останавливали кого-то запреты? Когда закончилось вино, стали пить спирт. Спирт выдавали для того, чтобы зачищать электрические контакты. Но на зачистке контактов сэкономили.

Она не отставала от мужчин. Чем закончился вечер, она уже не помнила. Всё-таки спирт – это не бургундское. Утром она проснулась с пожилым капитаном, который беспощадно храпел. Интересно, почему не с молодым летуном? Или тут дело в субординации? Уважили возраст и звание?

Она оделась. Белье ее было разбросано по всей комнате. Значит, постарался капитан. Выпила два стакана воды. Нет! Ничего вспомнить не могла. А если не помнила, значит, ничего и не было. Эта мысль ее рассмешила и успокоила. И то, что пойдут разговоры, тоже не волновало ее.

Военно-полетная карьера ее в Ковенском боевом полку оказалась короткой. На задании она была всего лишь один раз. Когда ее аэроплан на небольшой высоте вылетел из леса и полетел над немецкими позициями, по нему начали стрелять. Одна пуля просвистела буквально над ухом. Она пожалела, что у нее не было ни бомб, ни гранат.

Полеты были довольно опасным делом. Не проходило недели, чтобы кто-нибудь не погиб.

Аэропланы летали низко, скорость их была небольшой и с земли их можно было подбить даже из винтовки, если попасть

в бензобак или пилота. Боец, подбивший аэроплан, получал премию.

На этот раз ей повезло, но в корпусе и крыльях аэроплана насчитали восемь пулевых отверстий, хотя для аэроплана это и не было опасно, и никак не мешало дальнейшему полету.

Через месяц полковой доктор Климович заявил, что отстраняет ее от полетов. Княгиня возмутилась:

- Я чувствую себя прекрасно.

- Вы беременны, милочка. Вы знали об этом и скрывали.

- Ну, и что? Разве это может помешать полетам. Я в хорошей физической форме. Не чувствую никаких неудобств.

- Помешает. Вы в любое время можете почувствовать слабость, недомогание, тошноту. Да и резких движений вам нельзя делать. Это может повредить плоду и угрожает вашей жизни. В воздухе – вы знаете об этом – доли секунды решают судьбу летчика и аэроплана. Вот поэтому вы и не можете быть допущены до полетов. Категорически!

- Я могу как-то освободиться от плода?

- Не рекомендую. Уже немалый срок. Это опасно для здоровья. Кроме того, аборт у нас запрещены. Ни один врач не возьмется за такую операцию, боясь уголовного наказания. У простой же крестьянской бабы, если она еще согласится, никто не даст вам гарантии, что это не закончится очень печально для вас.

Княгиня была отчислена из полка по причине беременности. Ей не оставалось ничего иного, как вернуться в Петроград, где она сначала невероятно скучала и не находила себе места. Здесь по-прежнему кипела светская жизнь, как будто и не было никакой войны. Работали рестораны, синематографы, поэты новой волны читали свои вызывающие стихи. Играла музыка, рекой лилось спиртное, несмотря на сухой закон. Только что подавали его не в бутылках, а в графинах, чайниках и даже самоварах. Это выглядела как насмешка над властью.

Много было офицеров. Кто-то дожидался отправки на фронт, кто-то туда и не собирался, пристраиваясь в какую-нибудь организацию по помощи фронту или в очередной комитет, которые плодились, как грибы после дождя.

Княгиня крутилась в этом круговороте веселой беспечной жизни. Беременность ее еще не была видно. И вдруг как гром среди ясного неба. Ее арестовали. Обвиняли ее в шпионаже и государственной измене. У следствия были многочисленные

донесения от агентов из Германии, в которых сообщалось, что княгиня, находясь в Германии, имела многочисленные связи с немецкими офицерами, в том числе и сотрудниками генерального штаба. Были у нее и интимные связи. Уже этого было вполне достаточно, чтобы обвинить ее в шпионаже. Но какие военные государственные секреты она могла знать Княгиня поняла, что кто-то хочет расправиться с нею. Кого же она могла так разозлить? Этот кто-то имел вес в верхах. Вполне вероятно, что это могла быть дама, которая желала отомстить ей за интимную связь с супругом или любовником.

Суд по законам военного времени вынес ей смертный приговор. Она стала ждать расстрела. Содержали ее в одиночной камере: пять шагов в длину, два в ширину. Кормили довольно сносно. Тут последовала монаршая милость. Император своим указом заменил ей смертную казнь пожизненным заключением. Беременных женщин в России не казнили.

В тюрьме она родила. Ей приносили несколько раз в день кормить младенца. Потом она заявила, что отказывается от него, потому что не хочет, чтобы ее ребенок – это был сын – вырос в тюрьме. Пусть ребенка отдадут в детский дом. Там ему будет лучше, чем в тюрьме. Освободила ее Февральская революция. Выйдя на свободу, она ни разу не поинтересовалась судьбой сына. Он для нее просто не существовал и никакой потребности в воспитании ребенка она не испытывала. Где он? Что он? Как будто и не было у нее никакого ребенка. Себе она ответила, что лишена начисто материнского инстинкта.

6

Она увидела, как идет в ликующей орущей толпе. Здесь была соборность, единение, о которой говорили славянофилы. Это был бальзам им на сердце. Оказалось, чтобы ощутить эту соборность, нужна была война.

Рядом с дворником в длинном прорезиненном фартуке, надетом поверх верхней одежды, шагает мужчина в приличном костюме, галстук, какой-нибудь банковский служащий или университетский преподаватель. А рядом с ним светская дама в шляпке и длинной юбке.

Если бы им предложили взяться за руки, они бы сделали это без всякого колебания и внутреннего сопротивления, потому что в этот момент все чувствовали себя братьями и сестрами. Это воистину был день народного единения. Его никто не организовывал, ни призывал к нему. Люди выходили на улицы по зову сердца, потому что иначе не могли.

Этот праздник народного единства был вызван тем, что Россия объявила войну Германии. Петербуржцы годами, десятилетиями, веками жили бок о бок с немцами, которые уже давным-давно обрусели, сохранив только фамилии от своей исторической родины, теперь все они превратились во врагов, которые спят и видят, как превратить всех славян в рабочий скот, заселить их земли и обратить в свою лютеранскую веру. Немецкие лавочки поспешно закрывались, самые осторожные снимали вывески и в эти дни старались не выходить из домов, ожидая самого худшего: погромов, насилия, убийств.

Те, кто не успел или посчитал это излишним, испытали народный гнев.

Запели «Боже царя храни». Если бы сейчас перед ними предстал император или кто-то из правящей династии, пали бы на колени и молили, чтобы их немедленно повели на Берлин или Кёнисберг, и они показали бы немчуре, где раки зимуют, за всё бы заплатили.

Для нее это тоже был праздник. И оделась она по-праздничному, как будто собралась не на манифестацию, а на светский прием. В толпе была не только она одна такая. Она любила войну, она жаждала войны, она чувствовала, что война – это как раз то, что нужно ее буйной натуре, что только убивая врагов, она почувствует полноту жизни. Больше всего ее пугала скука и серость жизни. Обыденность была противна ее натуре.

В этот день по всему Петербургу, теперь Петрограду, все рестораны, трактиры, закусовые, чайные были полны народу. Спиртное лилось рекой. Люди вопили, обнимались и плакали. Пили за здравие императора, победу русского оружия. Ругали проклятую немчуру. Проститутки в этот день за свои услуги брали вдвое меньше обычного. Они тоже считали себя патриотками и выбирали одежду цвета российского флага.

Она уехала с каким-то армейским капитаном в недорогую гостиницу, незаметно вытащила его револьвер и, когда он разделся и раздел ее, вытащила револьвер из-под подушки и выстрелила в потолок. На пол посыпалась штукатурная пыль. Он напугался, соскочил, она же схватила его за руку и потянула к себе.

- Продолжай!

И во время совокупления выпустила в потолок всю обойму. Капитана это уже не пугало. Его это даже возбуждало. Но в двери номера стучали. Пришлось сунуть служащей гостиницы несколько купюр, чтобы она не поднимала шум и не вызвала

полицию.

Она пошла на мобилизационный пункт. Но ей отказали. Офицер заявил, что в России достаточно мужчин не только для того, чтобы защитить страну, но и сломать хребет проклятой империи тевтонов. А дамское дело любить своих защитников и воспитывать детей. В прочем, возможности попасть в действующую армию были: устроиться прачкой, кухаркой, телефонисткой, пойти на курсы медсестер. Но всё это было не для нее. Но почему бы и нет? Она пошла на курсы сестер милосердия. И скоро поняла, что долго так не сможет. Делать перевязки, приносить и убирать утки, промывать раны... Это так скучно! Она хотела летать. Давала интервью журналистам, говорила с генералами о том, что современная война – это война совершенно иного рода, не такая как прежние войны. Это война стали и моторов. И победит тот, у кого будет техническое превосходство. И конечно, хорошо подготовленные специалисты, которые умеют работать с техникой. Теперь война будет вестись не только на суше и на морях, но и в воздухе. И аэропланы будут не только вести разведку, но и перемещать грузы и бойцов, и бомбардировать позиции врага. С неба это делать лучше. Аэропланы будут летать на такой высоте, что станут недоступными для пуль и снарядов. А вот все позиции противника и его передвижение будут как на ладони, а поэтому станут уязвимыми. Мощные моторы увеличат скорость аэропланов и их грузоподъемность. На тяжелых аэропланов будут доставлять боеприпасы и орудия на позиции и вывозить раненых в тыл. И делать это можно будет очень быстро. Поэтому и ситуация на фронте будет быстро меняться. Самое же главное: с аэропланов можно будет бросать не только гранаты и легкие бомбы, но и тяжелые бомбы, которые будут уничтожать командные пункты, укрепления противника, их артиллерию, железнодорожные станции и составы. И делать это аэропланы смогут на большую глубину.

Ее внимательно выслушивали, соглашались, но не более того. Никакого предложения от военных она так и не получила. Дело ее не подвигалось. И тогда она написала прошение императору. А пока тянется эта волянка она отправилась с санитарным поездом на фронт. Хоть понюхает порох и увидит своими глазами, что там происходит. Через несколько дней она поняла, что не выдержит тут. Хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать нескончаемых стонов раненых и не видеть этих окровавленных несчастных людей. Она не могла подолгу сидеть возле раненого и кормить его с ложечке. Ей хотелось бежать, рвать глотку в матерном крике и стрелять, стрелять, стрелять в ненавистного врага. А если повезет добежать до вражеских позиций, то и

колоть штыком.

7

Она увидела белый потолок, белые стены. Боль разрывала ее тело. Она застонала. Услышала стон и удивилась: неужели это она. Где она? И что с ней? Почему ее терзает боль? Над ней склонилось круглое девичье лицо с большими глазами.

- Сейчас, голубушка! Потерпи немного! Сейчас тебе будет хорошо. И совсем не больно.

Укол, похожий на укус комара. И через несколько минут боль ушла. Это было хорошо не чувствовать боли. Ветер обдувал ее лицо. Под ней были зеленые луга, синие реки и ниточки дорог, которые вели в разные стороны. На одной дороге ползла игрушечная лошадка с телегой. Она заснула.

У нее был сломан нос, несколько ребер, повреждено легкое. Но это не было смертельно. Ей говорили, что она чудом выжила. После такого падения никто не выживал. Значит, ангел-хранитель не дал ей погибнуть. Верит ли она в ангела-хранителя? Да. А может быть, нет.

- Переломы и всё прочее заживет, - сказал доктор. - У вас сильный молодой организм. Но вот про пролеты придется забыть. Хватит испытывать судьбу, голубушка. Вообще это не женское дело. А эти аэропланы - летающие гробы. И только самоубийцы могут садиться на них. Сколько уже погибло летунов! Неужели это не может остановить других? Зачем только люди садятся на эти аэропланы* Почему многочисленные смерти и увечья не могут остановить их. Человек - не птица, он должен жить на земле.

Нет! Она решила, что больше никаких полетов. Выздоровление шло быстро. Но ее организм, привыкший к морфию, уже не мог обходиться без него. И когда ей перестали колоть морфий, она возмутилась.

Теперь она знала, как уйти от боли, черных мыслей, депрессии. Укол в вену и наступает желанное блаженство. Ты можешь закрыть в глаза и отправиться в полет или качаться на теплых волнах. Но это удовольствие требовало немалых денег. Знакомый доктор, что снабжал ее морфием, жаловался, что рискует не только своей репутацией, но и свободой. Всё! Это последний раз, когда он помогает ей. И наконец он решительно отказал ей.

Перебои, когда не было морфия, она заполняла алкоголем и любовными утехами. Лучше, конечно, когда всё это есть вместе: алкоголь, морфий и молодой любовник. Любовников она искала среди военных. Гражданские, как она их называла, штафирки, ее не интересовали. Она презирала их. Мужчина должен быть воином, бойцом.

Ее организм требовал возбуждения, страсти. Она не знала, чем занять себя. Был потерян смысл существования. Быть просто обывательницей она не могла. Скука убивала ее. Она не могла забыть про полеты. Только смерть могла разлучить ее с аэропланами. И все ее помыслы были направлены на то, чтобы снова подняться над землей. Кто же или что позволит ей снова сесть за штурвал? Только случай необычный, нерядовой, нечто такое, что все позабудут про ее падение, про то, что она была на волосок от смерти. Этот случай назывался ВОЙНОЙ. «Буря! Пусть скорее грянет буря!» - твердила она непрерывно понравившиеся ей строки Горького. Она уподобляла себя с буревестником.

8

Она увидела теплый апрельский день. Ровное просторное поле. Она сидит на аэроплане рядом со Всеволодом, человеком, который стал для нее всем, богом, который подарил ей настоящую жизнь. Она уговорила его, что будет за штурвалом. Он быстро согласился. Конечно, она опытный пилот. Тем более он рядом и будет подстраховывать ее. Он заодно оценит ее летные качества.

И вот они взлетают. Медленно набирают высоту. Ровно гудит мотор. Управление послушно ей. Она смеется. Он улыбается. Она счастлива. Сзади слышен стрекот. Она не обращает внимания. И тут их накрывает тень. Над ними летит аэроплан. Вопреки всем правилам он находится очень близко от них. Это же опасно! Почему он так делает?

Они попадают в вихрь от летящего над ними аэроплана. Их начинает шатать, бросать из стороны в сторону. Она старается выровнять, но аэроплан не подчиняется ей. Нужно было немедленно выходить из этой воздушной струи. Она резко дернула ручку, забыв о том, что этого нельзя делать, если аэроплан не набрал высоту. Летели они достаточно низко. И тут же ужаснулась, поняв, что совершила ошибку, что так делать категорически нельзя. Но ничего уже не исправить. Всеволод

даже не успел выругаться. С пятнадцатиметровой высоты их аэроплан врезался в землю.

Невыносимая боль. И всё! Она потеряла сознание. К рухнувшему аэроплану уже бежали. На летном поле всегда дежурила карета скорой помощи. Пилоты часто получали травмы, а то и гибли. Профессия пилота по-прежнему оставалась смертельно опасной. И тем не менее многие молодые люди желали подняться в небо. В школу пилотов была очередь.

Всеволод получил многочисленные переломы и скончался по дороге в госпиталь, так и не приходя в сознание. Княжна лежала рядом с ним в бессознательном состоянии. Всеволода похоронили в Петербурге на Никольском кладбище Александровской лавры. Позднее на его могиле поставят небольшой постамент.

У княгини тоже были переломы. Она ударилась головой о землю. Но спасло ее то, что на ней был шлем. Всеволод же на этот раз был без шлема, что вообще-то было грубым нарушением безопасности. Погиб человек, которого она страстно любила. Потом в ее жизни будет много мужчин, но не будет того, кого бы она так любила. Всеволод Абрамович войдет в историю русской авиации как один из первых и отважных пилотов, который подготовил целую школу пилотов. Они будут помнить о нем.

Перед этим он в Германии закупит несколько аэропланов братьев Райт. Аэропланы разберут и в больших ящиках, называемых чемоданами, привезут в Россию. Здесь под Санкт-Петербургом их соберут и начнут испытания. К испытаниям допускали только опытных пилотов. Абрамович хотел создать в России школу военных пилотов. Уже шел во всю набор, когда он погиб. Но школа всё-таки была открыта.

По Петербургу поползли слухи. Журналисты и свои, и зарубежные выдвигали разные версии трагедии. Официальному расследованию не доверяли, считая, что власти скрывают настоящих виновников. Большинство сходилось на том, что виновна княгиня. Авария произошла из-за ее неопытности. Виновны, следовательно, были и те, кто позволил ей сесть за штурвал. Или даже был злой умысел убить Абрамовича. Потом, когда она окажется под следствием, ей и это поставят в вину. И это больше всего ее возмутит. Дескать, она была завербована германским генеральным штабом и по его заданию должна была ликвидировать Абрамовича, который собирался готовить военных пилотов для России. И не принимали во внимание то, что княгиня сидела на аэроплане бок о бок с Абрамовичем.

Россия к тому времени стала лидером в овладении небом. Она имела больше всех аэропланов и военных пилотов. Конечно, Германию это очень беспокоило. В России был создан первый полк дальних бомбардировщиков. Они могли долетать до Берлина и нести тяжелые бомбы, которые бы сносили целые кварталы. Аналогов же гигантскому аэроплану «Илья Муромец» не было в мире. И в России собирались создать целый полк из таких гигантов. Уже началась работа над ними.

Отец Всеволода дал отповедь всем, кто винил в его гибели княгиню. Его письмо было опубликовано в газете «Новое время». Но разговоры о виновности княгини не утихли.

-

В этот же день на этом же самом аэродроме взорвался в воздухе и погиб еще один русский авиатор - Илья Дунец. Уже в наши дни было доказано, что обе эти смерти были неслучайны. Германия готовилась к войне с Россией, немецкие спецслужбы проводили диверсионные акции по уничтожению русских пилотов.

9

Она увидела, как он идет ей навстречу, высокий, стройный, красивый. Настоящий небожитель. И жил он только одним небом. Для него летать было как дышать. Она влюбилась в него. Теперь небо и он слились для нее в одно целое. И ничего прекраснее в этом мире для нее не существовало: он и небо. И она хотела одного - быть с ним всегда рядом.

Владислав Абрамович к этому времени уже стал человеком-легендой. Молодые летчики хотели быть похожими на него. Он побил все возможные рекорды. И жил только небом и говорил только о небе. Всего остального мира для него не существовало. Если говорили не об аэропланах, он скучал и зевал, и торопился покинуть эту компанию.

Они не могли не встретиться, два фанатика, два одержимых человека. И он сразу почувствовал в ней родственную душу, заглянув в ее черные блестящие глаза. «Она прекрасна!» - сказал он себе. Днями были лекции, летные упражнения, спорт, ибо пилот должен быть физически крепким человеком, а ночами нечто безумное, что высасывало из нее и его все соки. Княгиня была неукротима в любовной страсти и ночные часы пролетали для нее как одна минута. У Абрамовича была немало любовниц до нее, но такого еще не было. Это была настоящая жрица любви, для которой не существовало ничего запретного. Порой это его пугало. Были такие мгновения, что ему казалось, что сердце его не выдержит этого.

Всеволод весь был в будущем. И хотя его летная школа была в Германии и летал он и его ученики на самолетах братьев Райт, но он был патриотом России и хотел видеть свою страну великой воздушной державой. Иначе, считал он, и быть не может. Он бомбардировал власти России письмами, прошениями, предлагал разные проекты развития воздушного флота в стране. Главное получить разрешение на открытие в России школы пилотов. Каждый год он будет готовить десятки летчиков. И такая школа должна быть в каждом губернском центре. Он просил средств на закупку аэропланов за границей, где у него были серьезные связи и с авиаконструкторами и начальниками летных школ. Несмотря на бюрократизм, инерцию государственной машины его не только услышали, но и пошли навстречу. Среди высших чиновников он нашел союзников. Поклонников авиации было немало в России, в том числе и среди членов царской династии. Император не раз бывал на летном поле и наблюдал за полетами. К Абрамовичу отнеслись серьезно и приняли его предложение. Россия переживала период любви к воздухоплаванию. Поэты писали о пилотах восторженные стихи. Пилоты становились главными героями газетной хроники, у них брали интервью. Малоизвестная тогда Марина Цветаева написала

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...
Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог — уходит от нас.
О, его не приучите
К пребыванью и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он — седой ледоход.
О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог — ручною бегонией
На окне не цветет!

Все под кровлею сводчатой

Ждали зова и зодчего.

И поэты и летчики —

Все отчаивались.

Ибо бег он — и движется.

Ибо звездная книжища

Вся: от Аз и до Ижицы,

— След плаща его лишь!

10

Увидела она под собою безбрежный океан песков. Это был океан, а барханы – это застывшие волны, которые уходили за горизонт. И не души, потому что пустыня – это пустое место. Если спуститься пониже, то можно было увидеть на барханах зыбь. Но ей было не до этого. На широких просторах, которые открывались ее взору, она разыскивала вражеские укрепления или подвижные колонны. На борту аэроплана фотокамера очень дорогая и сложная в управлении, поэтому ей пришлось взять уроки у фотомастера. Фотосъемка – это было новое слово в разведке. И в последующие годы все воюющие стороны будут применять ее. И это правильно. Даже опытный и наблюдательный пилот мог ошибиться или не запомнить все детали фортификационных укреплений, в численности живой силы и артиллерии, упустить какие-то важные детали. Да и сосредотачиваться только на рассмотрении местности он не мог.

По фотоснимкам, зная, на какой высоте они сделаны, можно было восстановить картину с точностью до дециметра. Чем ниже велась фотосъемка, тем больше точности. Опытный офицер-генштабист находил на фотоснимке то, что пилот не смог зафиксировать в своей памяти. Враг теперь был виден как на ладони. До маскировки еще дело не дошло.

Но аэроплан — это не только рекогносцировка, воздушная разведка. Обычная разведка в условиях пустыни была почти невозможной. Как можно подобраться близко к позициям врага на открытой местности? Теперь позиция врага можно было забрасывать с воздуха гранатами и бомбами. Их можно было взять столько, сколько позволяла мощность аэроплана. Противника не могли спасти и окопы, в которые залетали гранаты.

Итальянский генштаб, готовясь к войне в Триполитании, прекрасно осознавал, какие возможности дает авиация, тем более, что у противника она отсутствовала. В стране началась массовая подготовка пилотов. Дирижабли не шли в счет. Они были неуправляемы и представляли прекрасную мишень из-за своей громоздкости. Поэтому от них пришлось отказаться. К тому же стоимость дирижабля была значительно больше, чем легкомоторного аэроплана.

Итальянское правительство закупило аэропланы, запчасти к ним и пыталось наладить собственное производство. Пришлось перестраивать автомобильные заводы. Не хватало пилотов. Аэроплан – не винтовка и даже не пушка, и за день, за неделю не подготовишь пилота. Нужны были опытные инструкторы, которых эмиссары правительства искали по всей Европе. На подготовку пилотов уходило несколько месяцев напряженной учебы и практики. Такие школы были во Франции и Германии, и даже в России. Инструкторам предлагали немалые деньги, если они согласятся работать в Италии. Также решили принимать на службу пилотов из других стран, обещая им щедрые оклады.

Княгиня знала об этом, поэтому нисколько не сомневалось, что военное министерство примет ее прошение, тем более, что за ней уже укрепилась слава опытного пилота. Правда, она еще не участвовала в военных действиях. Но считала, что это не будет помехой. И возможно, что она будет не только самостоятельно летать, но и обучать новобранцев.

За два года, что она прожила в Италии, она полюбила эту страну, полюбила итальянцев и даже завела себе несколько любовников-итальянцев. Правда, романы эти были скоротечными. Они были страстными, красноречивыми и вспыльчивыми. Страсть в ней погасала так же быстро, как и загоралась. И оставались лишь приятные воспоминания. Но качества итальянских мужчин нравились ей. Эти два года в Италии она потратила на обучение вокальному искусству, которым увлекалась еще с детских лет.

К чему ей взбрелось, что ее будущее на оперной сцене? Такие уроки княгине давали охотно, поскольку она щедро оплачивала их. И поэтому слухи о сумасбродной русской быстро облетели любителей поживиться. Но на обещания и похвалы ее учителя были скупы, поскольку, кроме внешних данных и темперамента, у нее не было никаких данных для музыкальной карьеры. Чувствительные к фальши музыканты морщились, но от уроков не отказывались.

То, что не дано от природы, нельзя создать никакими тренировками и упражнениями, даже самыми упорными. Но княгиня

отказывалась это понимать и продолжала свои музыкальные уроки. Учителя это прекрасно понимали, она же была иного мнения, считала, что упорным трудом и страстью можно стать кем угодно, хоть оперной певицей, хоть Микеланджело. В этом она была похожа на несмышленного ребенка.

В Италии дух искусства был везде: в памятниках античности и средневековья, в национальном характере, в самом воздухе, которым дышали жители этой замечательной страны. Как здесь не запоешь, когда над тобой триста шестьдесят дней в году безоблачное синее небо, а купаться можно вплоть до ноября. Правда, сами итальянцы на такое позднее купание не решались. Ничего удивительного в том, что итальянцы пели, сидя у себя дома за столом, стоя на балконе, нежась на песке приморского пляжа, насвистывали или бормотали мелодию, гуляя по городским улицам.

Итальянская опера считалась лучшей в мире.

Но эта блажь, а то, что это блажь, она скоро осознала, выветрилась из ее головы в миг, когда итальянские газеты запестрели угрозами в адрес Османской империи. В воздухе запахло войной. «Турок» стало ругательством. Так называли человека, когда хотели его оскорбить.

Италия не могла считать себя великой державой до тех пор, пока у нее не было колоний. Это был главный критерий, по которому пропускали в клуб великих держав. Но мир уже весь поделили и переделали. Рим опоздал к этому дележу. Слишком поздно Италия стала индустриальной державой и начала наращивать военные мускулы. Что ж, были старые дряхлые империи, у которых можно было отобрать лакомые куски. И взор итальянских политиков обратился на восток в сторону Османской империи.

Когда Рим объявил Стамбулу войну, княгиня поняла, что это ее звездный час. И каким же ударом было для нее, когда военное ведомство отклонило ее прошение. Хотя Италия остро нуждалась в пилотах и инструкторах, но княгиня, во-первых, была женщиной, а, во-вторых, русской. Италия – католическая страна, которая свято чтит семейные традиции. И женщинам никак не место в армии, разве что на второстепенных ролях. Женщине на войне не место. Она должна рожать и воспитывать детей и содержать дом. В Италии в то время были запрещены аборт и разводы. Война – сугубо мужское дело. С этого времени княгиня стала яркой феминисткой и начала посещать общество феминисток и выходить на их демонстрации.

10

Она увидела просторный зал. На этот раз мужчины были в костюмах и смокингах. Она пришла в летной куртке, чем шокировало собравшееся общество. Женщины кидали на нее презрительные взгляды. Хотя ее предупреждали, что мероприятие официальное, будут официальные лица, поэтому надобно соблюдать этикет и не допускать никаких вольностей. Знали бы они, кому это говорят, человеку, который привык бросать вызов всем.

Когда ее вызвали, и она шла к президиуму, многие мужчины плотоядно глядели ей вслед. Она чувствовала на себе эти взгляды, и они доставляли ей удовольствие. Дразнить мужчин, их воображение – это очень увлекательное занятие, искусство, которым она владела в совершенстве. Пока мужчина желает тебя, он становится твоей собственностью, твоей игрушкой, которой можно помыкать как угодно и требовать от него то, что он никогда бы не сделал, если ему не вскружили голову. Ей, познавшей и страстную влюбленность и ни к чему не обязывающие постельные встречи, это было уже давно знакомо. Мужским вниманием она никогда не была обделена. Но вот настоящей любви, когда любимая становится божеством, всем на свете, не было. Она мечтала об этом. Прожжённый циник в ней уживался с романтиком-идеалистом. А может, думала она, это и к лучшему, потому что сильная любовь – это рабство, которое накладывает на тебя оковы, делает тебя послушной в руках мужчины. Быть чей-то рабыней, даже любимого человека – нет, это не для нее.

Она хотела быть свободной, свободной ото всего, от любви, от семьи, от всякой морали, от каких-то обязательств перед людьми, обществом, государством. Выше свободы для нее ничего не существовало.

Сегодня она сделала еще один шаг к этой абсолютной свободе. Пилотное удостоверение – это не просто бумажка с печатью и подписями, это пропуск в мир свободы, в мир, который она теперь будет покорять. Вот что ей надо – быть покорительницей. Одно огорчало ее, что она была не первой на этом пути и даже не второй, а четвертой. Уже три женщины до нее получили такие пилотные удостоверения. Ничего! Зато она станет первой военной летчицей и ее имя войдет в историю человечества.

Просто летать, выделявая всякие кульбиты на потеху зевак, которые собираются за городом на летном поле, какая в этом слава? Очередной цирк, не более того. Летать с девицами, давая им наставления по летному делу, разве это может быть жизненной целью? Она хотела большего, она хотела величия, славы Клеопатры. Вот война – это самое серьезное, самое

настоящее дело, она сдернет с тебя все внешнее, напускное, коросту и обнажит твою суть, твоё сокровенное. И все будут видеть, что ты собой представляешь.

А то, что Европа катится к войне, это было видно даже несмышлёному младенцу. Политики во всех странах говорили о войне, парламенты принимали всё новые и новые военные программы. В европейских странах шла гонка вооружений. Технический прогресс менял облик армий. Туда приходили автомобили, пулеметы, минометы, дальнобойные пушки, боевые газы, танки, подводные лодки, радиосвязь и, конечно, аэропланы. А это значило, что военные действия развернутся и в воздухе. А на суше и на море никто не сможет спрятаться от всевидящего ока с воздуха. Пока войны вспыхивали на подступах к Европе, на далеких окраинах, в Африке, Азии. Но всем было понятно, что главная схватка произойдет на полях Европы.

То, что бурлило на окраинах мира, полноценными войнами нельзя было назвать, это были военные конфликты, столкновения интересов, вроде детской игры «кто кого переглядит». Будущие противники присматривались друг к другу, оценивали силы. Но любой здравый политик понимал, что от малой искры полыхнет большой пожар. А где он начнется? Там, где наиболее активно сталкиваются интересы великих держав.

Княгиня уже хотела покинуть Италию. Она получала предложения из России, из Германии. Так что у нее даже был выбор. Одно только она не желала, ошибиться. Но прочитанная за утренним кофе записка заставила ее изменить планы: Италия выдвинула ультиматум Османскому правительству. Ультиматум был составлен в резкой, вызывающей форме. Это был дерзкий вызов. Османские власти обвинялись в жестоком обращении с местным населением, и, разумеется, облегчить его участь могли только сердобольные итальянцы. Еще турецкие власти препятствовали работе итальянских предприятий, чинили им всякие препоны. Одни словом, старались их выжать из своих провинций.

От османов потребовали, чтобы они сдали оружие итальянским войскам и вывели свои вооруженные силы из Киренаики и Триполи, то есть признали свою капитуляцию. Самое удивительное, что блистательная Порта приняла ультиматум и просила только об одной услуге, чтобы эта североафриканская провинция официально считалась частью Османской империи. Казалось, что еще надо? Стамбул пошел на капитуляцию.

Представляете, страна находится под властью другой страны, но формально она считается собственностью той страны,

которая не имеет там органов власти, полиции? Сами же османы, державшие некогда в страхе три части света, унизили себя так, как их не мог унижить самый заклятый враг. Казалось бы, Италии надо праздновать победу. Но комедия развивается по законам жанра. В Риме такое заявление из Стамбула восприняли как жесточайшее оскорбление. Хотя всё было с точностью наоборот.

В чем заключалось это оскорбление, об этом не говорили. И тут же объявили войну Османской империи. Итальянцы восприняли это с ликованием, поздравляли друг друга. Правительство нисколько не сомневалось в быстрой и легкой победе. Османскую империю считали колоссом на глиняных ногах, дряхлым пережитком прошлой эпохи. Королевство имело больше населения, армия у нее была многочисленней, а главное техническое превосходство, противопоставить османам будет нечего. Собственного производства новой военной техники у них не было. У итальянцев были танки, пулеметы, минометы, скорострельные пушки, подводные лодки, аэропланы. Военный корабль, который строили на итальянской верфи по заказу Стамбула, тут же конфисковали и даже не вернули туркам аванс, весьма немалый. Это был еще один плевков в сторону Стамбула. Корабль назвали «Ливией» и ввели его в состав итальянского военно-морского флота. В прочем для Запада так поступать с Востоком было не в новинку. Княгиня подала прошение на имя военного министра Италии прошение, чтобы ее зачислили в состав итальянской боевой авиации и стала ждать ответа. А пока она скучала, ходила в оперу, читала газеты.

-

ВВС Италии имели: 22 самолета Nieuport и Bleriot-2 французского производства и 6 единиц Etrich Taube и Bristol, два аэростата - P1 (объем 4200 куб. м., скорость 50 км/час) и P2 (объем 4700 куб. м., скорость 54 км/час).

В первый день войны итальянские боевые корабли потопили несколько небольших турецких военных кораблей в районе Превезе. 3 октября 1911 года они обстреляли Триполи, и позже - Бенгази. 8 октября 1911 года началась высадка сухопутных войск и был захвачен Топрук. Флот Османской Империи, выглядевший по сравнению с итальянским флотом очень скромно, в операциях участия не принимал. Правительство Османской Империи объявило частичную мобилизацию и начало спешно готовить отпор агрессии. В армию в Триполи были направлены лучшие молодые офицеры, среди которых были

Мустафа Кемаль, Энвер Бей и Фетхи Бей. Итальянцы высадили 102 тысячи военнослужащих при 40 орудиях. В этой войне впервые был применен самолет.

Впервые боевой вылет авиации был выполнен 22 октября 1911 года в районе Азизие. Капитан Пиаццо (Piazza) на самолете Ble-riot выполнил часовой разведывательный полет. В последующие дни полеты в районе Азизие и Зуvara продолжились. Их выполняли пилоты капитан Пиаццо на Блерио и капитан Моиццо на Ньюпорте.

**Капитан Карло
Пьяцца, 1911 г.**

**Рикардо
Моиццо (Riccardo
Moizo)
в чине генерал-
лейтенанта**

25 октября 1911 года в районе Зуvara было прострелено крыло в самолете капитана Моиццо.

28 октября 1911 года капитан Пиаццо впервые осуществил корректировку артиллерийского огня с воздуха.

В ноябре 1911 года капитан Гавотти впервые осуществил бомбардировку турецких позиций.

Джулио Гавотти - первый авиатор, выполнивший бомбометание с воздуха, 1910 г.

Вместе с разведывательными полетами начали выполняться небольшие задачи по бомбометанию. Для этого использовались самолеты Etrich Taube, которые с высоты 600 метров сбрасывали бомбы весом 15 кг. Эти бомбы не приносили большого урона, однако безусловно, деморализовали солдат на позициях. Ниже 600 метров самолеты не снижались, так как увеличивалась вероятность попадания в них. В этот же период начали выполняться ночные полеты.

13 марта 1912 года капитан Пиаццо во время полета был ранен выстрелом с земли.

Для корректировки артиллерийского огня применялись аэростаты. Однако из-за непригодных погодных условий, управляемые аэростаты в полной мере не применялись.

10 сентября 1912 года во время разведывательного полета Ньюпорт капитана Риккардо Моицо, получивший повреждения от ружейного огня, совершил вынужденную посадку. Это был **первый самолет в истории авиации, который был сбит во время военных действий**, и им стал итальянский самолет. Арабы, захватившие Моицо в плен, доставили его в штаб Фетхи Бея, который располагался в районе Азизие. Здесь капитан Моицо во время допроса сообщил: "В местах, где я пролетал, я наблюдал большое скопление войск, после моей посадки я заметил разницу, с большой высоты степные кустарники я принял за солдат". Моицо был оказан хороший прием и его сестре была направлена телеграмма за его подписью. Через некоторое время второй итальянский самолет вследствие аварии или подбитый ружейным огнем, совершил вынужденную посадку за линией фронта, на итальянской территории.

10 апреля 1912 года большая флотилия кораблей высадила 12 тысяч солдат напротив Зувара. Однако это был отвлекающий маневр. Основные силы высадились западнее, захватили Макабез и перекрыли тунисскую границу.

17 апреля 1912 года при поддержке мощной морской группировки был захвачен остров Стампалия (Stampalia), один из архипелага Двенадцати островов Эгейского моря. Корабли, использовали его как базу, и утром 18 апреля 1912 года обстреляли береговые укрепления пролива Дарданеллы. После обеда бомбардировка продолжилась. Было выпущено 432 снаряда большого калибра, от которых погибли 15 человек и 18 получили ранения. После этой морской операции корабли вернулись на захваченный остров и в мае оккупировали остров Родос и другие острова архипелага Двенадцати островов.

В районе Триполи самолеты применялись для оказания политического и психологического воздействия, в частности для разбрасывания листовок над нашими (турецкими) позициями и в тылу, обращенных к арабам.

«К ливийским арабам: Чего вы ждете, чтобы присоединиться к нам? Вы думаете, что от ваших молитв в мечетях исполнятся ваши желания? Вы не хотите жить вместе со своими семьями в спокойствии? У нас тоже есть книги, у нас тоже есть понятия чести и веры. Италия также и ваш отец».

Воздушные операции, проведенные итальянцами против турецкой армии, послужили уроком для европейских армий, упор в развитии в большей степени был сделан на самолеты, нежели на аэростаты.

15 декабря 1911 года турецкие войска впервые применили

артиллерию против самолета подполковника Роберта.

15 января 1912 года итальянцы впервые применили самолет для ведения психологической войны, с него были разбросаны обращения к арабам.

31 января 1912 года впервые в воздухе был ранен летчик-наблюдатель Карло Монту.

В марте 1912 года летчик Пиацио впервые применил фотоаппаратуру в ходе воздушной разведки.

11 июля 1912 года капитан Маренго впервые выполнил ночное бомбометание.

25 августа 1912 года младший лейтенант Манчини стал первой жертвой войны в воздухе. Его самолет упал в море.

10 сентября 1912 года первый летчик попал в плен.

Попытки использования самолетов и аэростатов в османской армии

В январе 1912 года судно под французским флагом «Картеж» (Carthage) должно было доставить в Тунис для демонстрации воздушных полетов самолет «Дюваль» (Duval) вместе с летчиком. Итальянцы, для воспрепятствования сделке по приобретению турками самолетов «Дюваль» под угрозой торпедирования задержали это судно и отконвоировали его на остров Сардиния. Этот факт вызвал обострение в отношениях между Францией и Италией. После предоставления гарантий о неиспользовании со стороны владельца самолета, корабль был отпущен.

В первых месяцах 1912 года было достигнуто соглашение с торговцем по имени Бахман о доставке в район Триполи самолета с двумя пилотами. Самолет и летчики должны были быть доставлены контрабандным путем на иностранном корабле в Северную Африку. Французское посольство не было извещено об этой сделке.

Были закуплены два самолета Deperdussin. Самолеты должны были быть доставлены в Алжир, откуда своим ходом перелететь через пустыню в район Триполи. Этот перелет должны были совершить турецкие пилоты подполковник Керим Бей и Феса Бей, вместе с двумя французскими летчиками. Французы запросили за выполнение этого перелета по 5000 французских франков в месяц и по 2000 тысячи франков затребовали механики. Это условие было принято. Однако Феса Бей возвратился в Турцию. В мае самолеты были доставлены в

город Бискра в Южном Алжире, однако французские пилоты отказались туда отправиться.

Вторая попытка организовать использование самолетов и управляемых аэростатов была предпринята во время поездки по Европе подполковника штаба Сюрейя Бея. Блокада итальянцев полностью прекратила морское снабжение Триполи. Военный министр Махмут Шевкет Паша (Mahmut Şevket Paşa) поручил исследовать возможность организации снабжения при помощи аэростатов большого объема. Управляемые аэростаты были способны совершать перелеты на расстояние до 2500 километров с грузом до 2,5 тонн. Помимо этого, они могли использоваться для сброса авиабомб весом 4 - 100 кг и для корректировки при помощи радио артиллерийского огня. Турецкая делегация, находившаяся в Германии, в мае 1912 года получила по телеграфу от Махмута Шевкет Паша новые инструкции. Суть сообщения сводилась к следующему: итальянцы получили уже четвертый аэростат, готовилось их применение для бомбардировки позиций в проливе Дарданеллы. Для организаций противодействия нужен был как минимум один управляемый аэростат, и самолет с обученным пилотом.

Делегация заказала в Германии два самолета «Харлан» (Harlan), способные нести бомбы Нобеля. Помимо этого проводились опыты по применению снарядов против аэростатов, среди иностранных производителей был объявлен тендер на разработку таких боеприпасов. Также было признано необходимым приобретение аэростатов «Цеппелин» (Zeppelin), способных находиться в воздухе 50 часов и перевозить до 3 тонн груза. Аэростаты по цене 50 тысяч золотых лир должны были быть поставлены в течение 4 - 5 месяцев. Однако немецкое правительство выдвинуло ряд условий для совершения сделки. И не подписало контракт. Делегация направилась во Францию, где в основном велась речь о приобретении легких аэростатов, применение которых планировалось в районе военных действий на Островах. Делегация не смогла договориться ни с одной европейской страной о поставках управляемых аэростатов, пригодных для войны в Ливии.

В первых числах октября 1912 года было подписано мирное соглашение с итальянцами.

11

Она увидела ресторанный зал. Он был невелик и не мог вместить всех желающих. Поэтому сидели очень плотно и между столиками не оставалось даже прохода. Если кто-то

пытался пройти к сцене, на которой выступали музыканты, а теперь стоял стол президиума и трибуна, то ему приходилось лавировать между столиками, почти продираясь между стульями, принося извинения сидящим за принесенные неудобства. На этот раз здесь были только дамы. Даже из обслуживающего персонала, барменов и официантов, оставили только представительниц слабого пола. Ах, как это выражение не нравилось княгине: слабый пол. Таково было требование арендаторов зала. Зато какое разнообразие нарядов! Здесь можно было познакомиться с самыми разными вкусами и пристрастиями. И вряд ли можно было отыскать во всем зале два совершенно одинаковых наряда. Здесь были и широкие халаты, и расшитые туники, под которыми надеты широкие шаровары. Обязательное условие: у туники, и шаровар должен был быть разный цвет. Была тут и «хромающая утка», только входившая в моду, которая из-за своего узкого силуэта заставляла женщин ходить мелкими шажками. Особенно затруднительно дамам- «хромающим уткам» была подниматься по ступенькам. Самые продвинутые коечницы нарядились в рубашки-платья, к которым шли юбки нового покроя. В таких юбках бедра казались очень широкими, но спереди и сзади юбка была плоской. И, конечно, столь популярные пиджаки разных расцветок.

Но это никак не была выставка мод, а вполне серьезное мероприятие, на которое собрались женщины, которые решили заявить о равных правах с мужчинами. Такими собраниями в европейских городах уже никого нельзя было удивить. Их называли феминистками.

Когда княгиня пошла к сцене, ей зааплодировали. Если уж кто и был достоин звания первой феминистки, так это она. Она, бросая вызов всем правилам этикета, была в кожаной летной куртке, шлеме, бриджах и в ботинках с высокой подошвой. Но это одеяние никак не портило ее фигуры и не умоляло ее красоты. А то, что она красива, это признавали даже женщины. Она говорила громко, короткими рубленными фразами.

- Пора поставить крест на домостроевских порядках, когда вся роль женщины сводится к тому, чтобы рожать, воспитывать детей, стоять у плиты, содержать дом в чистоте и порядке. Новое время сделает женщин равными с мужчинами во всем, женщины будут стоять рядом с мужчинами у станков, на профессорской кафедре, руководить банками, управлять техникой и быть с мужчинами в одном боевом строю. А кто решил, что женщина не может воевать и не имеет права защищать свое отечество? Перед женщинами-амазонками

трепетали мужчины-воины. Я авиатор-пилот...

Из зала раздался голос:

- Но аэроплан – это слишком сложно. Там столько много всяких рычажков, приборов. Разве можно все это запомнить и научиться этим управлять?

Она рассмеялась.

- Аэроплан устроен не сложнее авто. Говорю вам авторитетно, что несколько недель обучения, и вы будете управлять им с такой же легкостью, как садовой тележкой. Другое дело, что полеты остаются опасными. Не проходит месяца, чтобы в прессе не появилось сообщение об очередном разбившемся аэроплане. К сожалению, и с человеческими жертвами. Так бывает с любым начинанием. Аэропланы еще далеки от совершенства. Но в будущем полеты станут не менее безопасными, чем езда на велосипеде. Прогресс не стоит на месте. Лучшие умы думают, как сделать полеты безопасными. И они будут таковыми. Можете в этом не сомневаться. Нас мало женщин-пилотов. Но уверяю вас, что полет дает наслаждение ни с чем не сравнимое. В воздухе ты чувствуешь себя равным богу. Это ощущение никогда не забудешь. Ты летишь в десятках, сотнях метрах над землей как птица. Это очень восхитительное чувство, мне даже трудно передать его словами. Богиня уже не позволит запереть себя на кухне и в детской комнате. Ей нужен весь мир. Воздух должен принадлежать женщинам. Вот что я хотела вам сказать. Имена Аиды де Акоста, Ван Поттельсберге де ла Потери, Терез Пельтье, Элен Дутрие, Раймонды де Ларош, Марты Ниль, Бесси Райч, Мари Марвинг, Жанны Эрве, Элен Дутрие уже вошли в историю воздухоплавания.

12

Она увидела эти юные доверчивые лица. Ей нравились немецкие фройляйн, они доверчивые и податливые. Из них можно лепить любые фигурки. И в их окружении она чувствовала себя таким скульптором. Из девочек лепили послушных дочерей, во всем покорным родительской воле, которые без разрешения муттер не смели даже отправиться на прогулку. Один строгий взгляд муттер был для них уже достаточным наказанием. Из девушек создавали послушных жен, которые были в полной власти у своих мужей, и вся жизнь которых сводилась к служению супругу, детям и кухне.

Сюда в летнюю школу Йоханнесталля приходили другие девушки: это были воспитанницы детских домов, фройляйн, решившие бросить вызов своим родителям, может быть, уже познавшие

сладкие плоды запретной любви и решившие, что они в праве сами решать свою судьбу. Их даже по внешним признакам можно было отличить от покорных безропотных девиц. В Германии, как и в других европейских странах, как и в России, выросло новое поколение, которое не желало жить по прадедовским заветам и бросало вызов традиционному обществу. Они считали себя гражданами нового двадцатого века, в котором всё будет иначе, в котором они отряхнут прах старья со своих ног. И даже «весь мир насилья мы разрушим!» Это были бунтарки. Кто-то из них шел в революцию, кто-то в художественную богему, становились актрисами, поэтессами, художницами, отказывались от старых методов. Новое искусство требовало новых красок и кистей. Кто-то из них приходил сюда в летнюю школу Йоханнесталля. Известно, что спрос рождает предложение. К удивлению администрации, желание стать авиаторами изъявили не только молодые мужчины, но и девушки. Сначала на них косились, отговаривали, старались отказать под различными предлогами. Но девушки были настойчивы и убедительны. И многие инструкторы поддерживали их стремление. И если сначала не думали открывать летную школу для девушек, то потом, от того, что поток заявлений от них рос, решили – а почему бы и нет? Ведь женщины уже водят автомобили, становятся учеными, политиками, коммерсантами и – о! ужас! – даже военными. Почему же не может быть женщин-пилотов? К тому же у женщин были и некоторые преимущества перед мужчинами. У них меньше масса, они более осторожны, не любят рисковать и досконально выполняют все пункты инструкций.

Когда княгини предложили место инструктора в этой школе, она согласилась сразу, не раздумывая ни минуты. Конечно же, женщины должны вознестись в небеса не только в стихах. К тому же это было ее убеждение и мечта, и желание того, чтобы женщины были везде вровень с мужчинами. Они ни в чем не должны быть ущемлены. И в любовной, интимной сфере женщины должны пользоваться равенством. Почему мужчины избирают объект любви, а потом относятся к женщине как к добыче или рабыне. Женщина тоже имеет право проявлять инициативу и право на выбор.

Почему девушки должны покорно ожидать, что кто-то выберет их? Они сами могут признаваться в любви предмету своей страсти и предаваться любовным утехам с любимым человеком. Конечно, она не говорила это своим ученицам, которые смотрели на нее широко открытыми глазами, внимали каждому ее слову и стремились хоть в чем-то быть похожими на нее. Она была для них не просто учителем, наставником, инструктором, но нечто

большим, оракулом, пророком, который открывает им путь к новой жизни.

Им не верилось, что настанет тот день, и они тоже будут сидеть в кресле пилота, загудит мотор, пропеллер погонит ветер, и они поднимутся над землей, и полетят над полями, реками, дорогами.

Она знакомила их с теорией воздухоплавания, с устройством аэроплана, значением приборов и рычагов. Они срисовывали следом за ней с доски схемы разных узлов, записывали правила взлета и посадки, как уходить от грозовой тучи, как разминуться в воздухе с другим аэропланом, как заправить аэроплан топливом, провести предварительный осмотр, как устранить неисправности на земле и в воздухе. Но княгиня была не простым преподавателем, она была философом, поэтом эпохи воздухоплавания. И порой сухой технический рассказ сменялся патетическим лирическим отступлением. Это были настоящие проповеди, дифирамбы. Если бы она писала стихи, то непременно писала бы только о небе и полетах. Она сравнивала пилота с ангелом, который летает над простыми обыденными людьми и видит больше и дальше. Она говорила о будущем авиации и глаза ее горели, и тогда она представлялась своим ученицам настоящей богиней, Икаром в женском облики. Как было не полюбить ее, не стараться быть похожей на нее, не перенимать ее манеры?

Вскоре с ней произошел случай, который вознес ее на недостижимую высоту. Она совершала обычный показательный полет, показывая различные фигуры пилотажа. Ее ученицы, задрав головы, зачарованно следили за ней. И вдруг раздался крик ужаса. От аэроплана повалил черный дым. Было понятно, что загорелся двигатель. Тогда аэропланом становится очень трудно, а то и невозможно управлять. Это значило падение аэроплана и неизбежную гибель пилота. Но аэроплан не падал, а продолжал плавно снижаться, как будто с ним ничего не происходило.

Вот он уже покатился по летному полю. Навстречу спешили пожарные, карета скорой помощи, пилоты, механики и они, ее верные, влюбленные в нее ученицы. Кто-то путался в длинном платье, падал. Княгиня сама спустилась с аэроплана, отошла подальше, топливный бак мог взорваться в любое время и приветливо помахала рукой. На лице ее, покрытом сажей, блестели белые ровные зубы и играла улыбка.

Спасение ее было настоящим чудом. Ее ученицы окончательно поверили в то, что она ангел, и сам Бог не допустит ее гибели.

Она под его покровительством. А значит, им тоже ничего не угрожает.

13

Она увидела расплывшиеся в довольных улыбках лица экзаменаторов.

- Великолепно, княгиня Шаховская! Такое впечатление, что вы знаете даже больше, чем ваши учителя. Отличные теоретические познания! Практика пилотирования тоже была оценена на высший балл. У вас просто талант к воздухоплаванию. Не всякий мужчина мог бы похвастать такими результатами.

Председатель подписал протокол. Следом поставили подписи члены комиссии.

- Я могу идти? – спросила она.

- Конечно. У нас к вам нет никаких вопросов. А те, что были, вы замечательно раскрыли. В соседней комнате вас поджидает молодой человек, который хочет побеседовать с вами. Не откажите ему в любезности, княгиня. Он так просил об этой встрече.

Молодому человеку лет тридцать. Рыжие усы, нос картошкой, похож на деревенского паренька. Он поспешно подскочил к ней и чмокнул ее в руку. Губы его были мокрыми.

- Польщен! Весьма! Давно мечтал о личной встрече с вами, - проговорил он скороговоркой, приглашая ее присесть на софу, стоявшую возле стены.

Опустился с ней рядом.

Возле софы низенький столик с изогнутыми ножками в стиле ампир, покрытый темным лаком. На столике бутылка шартреза, два бокала и ваза с фруктами. «Не соблазнять ли он меня собрался? – усмехнулась княгиня. – Только такого я даже бы в садовники не взяла». Он был не в ее вкусе.

- С кем имею честь? – холодно спросила она, едва повернув голову в его сторону.

- Хер Киндер.

- Что вы «хер» я вижу. Вполне может быть, и киндер. Но кого вы представляете, молодой человек? Вряд ли по собственной инициативе вы явились сюда. И на пилота вы как-то не очень похожи.

- О, майн гот! Я никогда не сяду на эти этажерки. Даже смотреть страшно, как они взмывают в воздух. Стоит мне это увидеть, как стынет кровь в жилах. Поэтому я восторгаюсь людьми вашей профессии.

- Любопытно!

Она поправила платье, одернула его на коленях. Он внимательно наблюдал за ее манипуляциями. Наполнил бокалы и протянул бокал ей.

- Давайте за успешно сданный экзамен! Нет! За отлично сданный экзамен! Вы такая молодец!

Княгиня сделала несколько глотков.

- Я вижу вы знаете толк в вине.

- Да, шартрез – это вино, которое изготавливают монахи-доминиканцы в винных погребах в Изере. Хотя сейчас появилось немало подделок. Но знаток всегда отличит настоящее вино от фальшивого.

- За знакомство мы выпили, господин Киндер. Всё-таки кого вы представляете? Вы же пришли сюда не для того, чтобы угощать меня шартрезом и поздравлять с успешной сдачей экзамена? Или вы хотите соблазнить меня на этой софе?

- А знаете, я был бы не против, если бы вы были благосклонны ко мне. Но, кажется, мне рассчитывать не на что.

- В этом вы правы.

- Да. Но к делу! Мы восхищены вами, княгиня. Вы удивительная женщина. Мы о вас много наслышаны.

- А кто это мы?

- Одно заинтересованное учреждение. Очень заинтересованное в том, чтобы подружиться с вами. Вы прекрасный пилот, мастерски водите авто, стреляете из любого вида оружия. К тому же вы умны, обворожительны, амбициозны и авантюристичны. А главное вы обаятельны. Столько достоинств в одной женщине.

- Благодарю за комплименты! И всё-таки говорите по делу, по существу. Я не люблю пустословия.

- Да, конечно. Вы подали прошение об открытии здесь в Германии школы для подготовки девушек-авиаторов. Многие девушки, я не сомневаюсь в этом, мечтают подняться к облакам. Думаю, что вы получите разрешение. Пилоты нам нужны. А если война и начнут гибнуть мужчины-пилоты, то их заменят женщины. Надо учитывать и этот фактор. Насколько мне

известно о ваших планах, такую же школу вы намереваетесь открыть и в Санкт-Петербурге и готовить женщин-пилотов для русской авиации.

- Вы хорошо осведомлены о моих планах. Теперь я догадываюсь, из какого вы ведомства. Да, наверно, вы уже знаете, что я еще могу ловко уходить от слежки? Ну, вижу, что знаете.

- Что ж буду говорить прямо. Мы весьма надеемся на сотрудничество с вами. Время от времени вы будете сообщать нам столичные новости. Здесь нет никакого криминала. Вам придется общаться с офицерами русской армии. Но больше всего нас интересует особняк на Гороховой. Да-да, тот самый, который даже называют вторым двором.

- Особняк?

- Да. Там поселился святой старец. По крайней мере, кое-кто считает его святым. Григорий Распутин. Он приобрел такое влияние на власть, что за глаза его называют серым кардиналом. Он решает важные государственные вопросы. К нему даже записываются на прием. Говорят, что царь не принимает ни одного решения без совета с ним. Он вхож в царские апартаменты, даже в спальню императорской четы.

- Что теперь?

- Вы должны оказаться среди гостей этого особняка. Старец не равнодушен к женскому полу.

- Такое возможно?

- О! Вполне, княгиня. Слава о вас дошла до самых высоких кругов. Не сомневаюсь, что старец заинтересуется вами. Вокруг старца постоянно крутятся молодые женщины. Поговаривают о его необычайной мужской силе, которая и привлекает дам. Вас он не оставит без своего внимания. А известно, что влюбленный мужчина очень болтлив. Особенно в постели, где для него не существует государственных секретов.

- Я должна стать любовницей Распутина и сообщать вам об его словах?

- Ну, это уже как пойдет. Но суть вы ухватили верно. Разве вас не возбуждает то, что вы будете рядом со вторым человеком империи?

- Не возбуждает. Я патриотка и никогда не буду исполнять приказы Германского генерального штаба. И давайте на этом закончим нашу беседу и распрощаемся.

- Княгиня! Обдумайте мое предложение. И помните, что мы не обращаемся с подобными предложениями к первому попавшемуся. Если мы пошли на это, значит, у нас были достаточные основания. Мы уверены, что наше предложение не будет отвергнуто. Понимаю, что вам сразу трудно дать согласие. Обдумайте всё хорошо. Это выгодно и для вас.

Княгиня поднялась.

- На это раз вы ошиблись. Прощайте, господин Киндер. Надеюсь, что мы больше не встретимся с вами никогда. Общение с вами мне не доставило никаких приятных ощущений.

- Как знать, княгиня.

14

Увидела она афишу с темноволосой красавицей Раймондой де Ларош, которая на летном поле устраивала показательные полеты для публики. Она остановилась и долго рассматривала лицо пилотессы. Княгиня впервые побывала на летном поле и позабыла обо всем. Теперь для нее существовал только мир аэропланов, которые парят над землей.

Она будет летать, как и мадам де Ларош. И окончательно это решение созрело, когда в Россию вернулся Николай Попов, который уже стал человеком-легендой, о котором поэты слагали стихи. Человек с удивительно бурной биографией. Это был вулкан, который извергал из себя энергию, что хватило бы на добрый десяток людей. Выходец из знатной семьи он получил образование агронома. Но земля не тянула его к себе. Он хотел быть над землей, среди облаков и птиц, ближе к звездам и солнцу. Бросается в революцию, и только обширные связи отца спасают его от тюрьмы, но приходится бежать за границу, где он увидел полеты на бипланах братьев Райт, и это окончательно изменило его жизнь. Он заканчивает летную школу, получает диплом пилота. Несколько раз падает, получает раны, но, выздоровев, вновь садится за штурвал, потому что никакой иной жизни для него не существовало. А до этого он успеет повоевать в Южной Африке на англо-бурской войне, потом будет на русско-японской войне, где получит тяжелое ранение. Но, оправившись, станет мореплавателем и отправится к северному полюсу. И опять чуть не погибнет. Но судьба его каждый раз спасала, оберегая его для иной миссии, которая станет смыслом его жизни.

И вот он авиатор. Его знаменитый полет в Каннах, когда он на закате уйдет к островам, восхитит всю Францию. Он станет героем дня. Журналисты разных изданий рвутся взять интервью

с ним.

Он поставит рекорд высоты, подняв аэроплан на шестьсот метров. До этого считалось, что подобное невозможно.

Затем он приедет в Россию и создаст здесь летную школу. Конечно, княгиня сразу влюбится в этого русского грека и пойдет в летную школу, где она будет самой примерной ученицей.

Обучение было дорогим – четыре тысячи рублей. Это заработок поручика или учителя за четыре года. Так что позволить себе стать пилотами могли только состоятельные люди. К тому же обучающийся подписывал согласие, что выплачивает стоимость разбитого аэроплана, а в случае его гибели это делал поручитель. То есть летная школа ни при каких обстоятельствах никак не оставалась в накладе.

Княгиня забыла обо всем, о муже, о детях. Николай Попов не мог не влюбиться в свою прекрасную ученицу, смотревшую на него восторженными глазами и боготворившую его. Его взгляд всё дольше задерживался на ней. Когда он говорил с нею, голос его становился бархатным.

Между ними вспыхнул роман, который они особо и не скрывали, и будет он длиться до тех пор, пока Николай Попов не попадет в аварию. Безутешная княгиня несколько дней не выходила из дома. Аэроплан Попова упадет, и он получит тяжелые травмы, после которых уйдет из авиации.

Как-то княгиню встретила ее хорошая знакомая.

- Княгиня! – воскликнет она. – Вас так долго не бывало в особняке на Гороховой. Там вспоминают о вас. Что мне сказать?

- Скажите, что я слишком занята и не смогу посещать наш кружок.

- О! Понимаю! Понимаю! Наслаждаетесь новым романом? Вы даже готовы оставить семью? Знаете, об этом многие говорят. Или всё это досужие сплетни злых языков? Вас не пугает участь Анны Карениной?

- Нет, не пугает. Если я и погибну, то только упав с высоты. Так и передайте злым языкам.

- Ну, да! Падший ангел... Только старец спрашивает о вас. А вы знаете, что если старец рассердится, то это может плохо кончиться для вас. Я вам не советую расстраивать его.

- Милочка!

Княгиня взяла ее под руку.

- Мы уже достаточно знакомы, и вы должны понять, что меня никто и ничто не может напугать. Я без страха заглядываю даже в глаза смерти. И отношусь к этому философически. Повторяю, если Григорий Ефимович будет спрашивать про меня, так и скажите, что я слишком занята и не смогу посещать его кружок. По крайней мере, какое-то время.

Оказалось, что летная школа Попова не имеет права выдавать летные удостоверения, иди как их еще называли, дипломы. Чтобы получить такой диплом, надо пройти завершающий этап обучения во Франции или Германии. Княгиня выбрала Германию. Германская техника считалась лучшей, а германским инженерам были рады в любой стране.

-

Последние годы Попов жил во Франции. Известно, что в годы Первой мировой войны он служил в качестве рулевого на боевом дирижабле ВВС Франции. После войны Николай Евграфович оставил Париж и перебрался вновь на юг, на Ривьеру, где он чувствовал себя гораздо лучше, чем в любом другом месте: старые недуги опять начали назойливо напоминать о себе. Ему удалось устроиться в каннский гольф-клуб на должность „стартера“. Попов не чурался никакой работы, с чувством собственного достоинства относился он и к этой должности. Во всяком случае, он зарабатывал себе на хлеб честным трудом, ни перед кем не унижаясь, никого ни о чём не упрасивая, не поступаясь своими принципами, не втягиваясь ни в какие интриги, коими кишела русская эмигрантская среда. От русских эмигрантских организаций Попов принципиально держался как можно дальше, не поддерживал с ними никакой связи.

Сын богатого купца, Попов всю жизнь был бесконечно далек не только от торговых дел, но и вообще от какого бы то ни было предпринимательства, от так называемого „интереса“.

Умер Н. Е. Попов в безвестности вдалеке от Родины, покончив с собой в понедельник 30 декабря 1929 года. В предсмертном письме он написал „о невозможности долее жить, когда непрерывно гложет болезнь и нестерпимые боли головы и позвоночника, когда неврастения не дает покоя“. Похоронен русский авиатор в первый день нового, 1930 года, под сенью кипарисов в протестантской части кладбища „Дю Гран Жас“, на северо-западной окраине Канна, не очень далеко от виллы „Натали“. Похоронили по третьему разряду, в общей могиле для

бедняков, с несколькими отчаявшимися каннскими нищими и бродягами.

На белом мраморе высечены слова (по-французски):

Памятная табличка Н. Е. Попову на каннском кладбище Гран-Жас, 2010 год

НИКОЛАЙ ПОПОВ

скончавшийся 1 января 1930

Пилоту-авиатору, первым достигшему по воздуху Леринских островов в апреле 1910.

Дань уважения от Каннского аэроклуба.

И чуть ниже, в правом углу, изображены символические крылья — эмблема французских авиаторов — со звездочкой над ними и венком внизу.

Звезда указывает путь тебе. Несут тебя крылья, И ждет тебя лавровый венец. **15** Увидела она этот особняк на Гороховой, который заменил ей всё – и дом родной, и семью. Она не могла отдаваться чему-то в половину душевных сил. Если ее что-то увлекало, то всю, без остатка. Семейная жизнь, обывательское существование не для нее. Она не находила себе места в четырех стенах. Ей нужен был риск, ее обуревала жажда яркого, необычного, что взрывало бы мозг, от чего нервы натягивались как якорные канаты и трещали, грозя вот-вот лопнуть. Она полюбила верховую езду, когда натянув поводья несешься через поля, лесочки, перескакивая канавы, и ветер раздувает волосы и остужает разгоряченное лицо. И представляешь себя диким кочевников, который не может существовать без новой добычи. Она полюбила новинку технического прогресса - автомобиль и встала в один ряд с мужчинами-гонщиками. И была единственной женщиной, которая участвовала в гонках. Она испытывала почти физическое наслаждение, когда в ее руке лежал револьвер, пистолет или наган, и она посылала одну пулю за другой точно в цель. И тут тоже мужчины восхищались ею и завидовали ей. Теперь таким смыслом жизни для нее стал старец, который нес веру, что становилась ее душой и плотью. Глаза ее горели восторгом, когда она слушала проповеди отца Григория. Он проповедовал, что Бог не есть нечто отвлеченное, абстрактное. Бог существует в разных ипостасях. До этого говорили, что есть Бог - отец, Бог - сын и Бог - святой дух. На самом деле их не три, их тысячи, миллионы. Бог есть в каждом человеке. Только проявляется он по-разному. Вот в нем старце есть божественная сущность, поэтому он и обладает даром

целительства и ясновидения. Ему открыто то, что не видят остальные. Он знает будущее каждого и всех. Но раз ты бог, то для тебя не существует законов и морали, потому что закон – это ты и есть, и вся мораль в тебе, а не в ком-то или в чем-то внешнем. То, что ты в себе чувствуешь, это и есть божественная сущность. То, к чему она стремилась, чего жаждала ее душа, старец облек в форму и донес до нее. Он не мог не заметить этого. Когда она впервые вошла в особняк на Гороховой, старец поднялся из-за стола, уставленного бутылками и всевозможной снедью, и шагнул к ней. Он был высок, худощав и широк к кости. Темные его волосы спускались почти до плеч. Она была прекрасна. Он глядел в ее цыганские глаза и чувствовал в ней родственную душу, в которой кипели сильные страсти и которая стремилась возвыситься над миром. Он взял ее руку, повел к столу и посадил рядом с собой. Наполнил бокалы вином, они чокнулись и выпили. Им даже не надо было говорить ни о чем. Она почувствовала его руку на бедре. Он мял безжалостно ее плоть. Даже через ткань она чувствовала, как горяча его рука. Она ощущала жар его руки, как будто к ней прикоснулись раскаленным железом. Но это был приятный жар. – Божья благодать в каждой частице моего тела. И в той также, которую ты вскоре познаешь. И эта благодать перельется в тебя с моим семенем. И твоя божественная сущность станет еще крепче. И помни. В этом мире бог в каждом из нас, и во мне, и в тебе, и в том, что ты будешь получать от меня. Нет ни детей, ни семьи, ни отца с матерью, только это триединство: Бог, я и ты. Забудь обо всем, оставь всё суетное, нет ничего, кроме этого божественного триединства. Старец много пил, хватал руками еду, громко чавкал, но удивительно, он нисколько не хмелел, только глаза его блестели все ярче. Она даже не решалась заглянуть ему в глаза. Он усадил ее к себе на колени, мял ее груди, потом запустил руку под подол и через некоторое время она почувствовала между ног огонь. Она медленно покачивалась и стонала. Он вскочил и поволок ее за руку в соседнюю комнату, где у него была спальня с неприбранной кроватью. Одеяло наполовину сползло на пол. Одна подушка лежала в изголовье, другая сбоку. Княгиня уже была наслышана о его мужском достоинстве, но то, что она ощутила вскоре внутри себя, превзошло все ее ожидания. Казалось, что он наполнил собою всю ее. Он был неутомим и яростен. Она стонала всё громче, не боясь того, что за стеной ее могли слышать те, кто сидел за столом. –

Вот как Жуковская описывает «салон» Распутина в конце 1915 года – все с теми же знакомыми лицами:

«За столом у кипящего самовара, который, кажется, вообще

не сходит со стола... сидела размякшая Акилина в своем сером платье сестры милосердия (она работает в царском госпитале), а рядом с нею приютилась Муня, с кротким обожанием смотревшая на Распутина, притиснувшего меня в угол дивана. Позвонили. Муня пошла открывать... Пришла княгиня Шаховская – высокая полная брюнетка с медлительными движениями, ленивыми и манящими. Она была также в платье сестры милосердия, работала в госпитале Царского Села... „Так устала, только и думаю, как бы поспать, а к тебе, видишь, приехала “. – „Ну, смотри-ка у меня, – сказал Распутин. – Знаешь, как сладка, ух ты, моя лакомка...“ Он гладил ее по груди, залезая под воротник... Сжимая ее колено, он добавил, щурясь: „А знаешь... где дух?... Ты думаешь, он здесь? – он указал на сердце, – а он здесь! “ – и Распутин быстро и незаметно поднял и опустил подол ее платья... „Ох, трудно с вами!.. Смотри ты у меня, святоша, – он погрозился, – а то... задушу, вот те крест!“... „Я сейчас домой поеду, – кладя голову на плечо Распутина, сказала, ласкаясь, Шаховская. – Ванну возьму и спать “... „Отец, ну не сердись... – умильно просила Шаховская, подставляя лицо для поцелуя. – Ты ведь знаешь, отец! “ – „Ну, ну, лакомка, – благодушно отозвался Распутин, тиская ее грудь. – Захотела...“ Это всегда меня удивляет в странном обиходе Распутина... Почему здесь все можно и ничего не стыдно?... Или здесь все по-иному? Конечно, нигде не увидишь того, что здесь, в этой пустой столовой... где... изнеженные аристократки... ждут ласк грязноватого пожилого мужика... ждут покорно очереди, не сердясь и не ревнуя...»

Описала Жуковская и крохотную комнатку с разбитым диваном:

«Кожа на диване вся истерлась, а спинка отломана и приставлена. „Ну садись, садись “. Распутин, обнимая, подпихивая и напирая сзади, налег на спинку дивана, и она отвалилась. Вырвавшись от него, я сказала, глядя на сломанный диван: „Нехорошо... хоть бы столяра, что ли, позвали“. Он всполошился. „Да она от этого самого развалилась, – забормотал он, поднимая одной рукой тяжелую спинку и ставя ее на место. – Это все сестрица из Симбирска... как только здесь ночует, так обязательно развалит... чистый леший...“».

Полиция продолжает описывать непрерывную охоту «отца Григория» за новыми женщинами: «03.11.15 года... Пришла неизвестная женщина, хлопчет о муже – прапорщике... Выйдя, начала рассказывать швейцарихе: „Распутин... мало слушал мою просьбу, стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: „Поцелуй... я тебя полюбил“... потом написал какую-то записку и снова стал приставать... Этой записки не дал, сказал:

„Приди завтра“.

В полицейских донесениях у «отказавшихся» есть имена. Но несчастные просительницы, согласившиеся «дать задаток», к сожалению, их не имеют.

Из показаний Белецкого: «Одна дама, чтобы вернуть мужа из ссылки, сначала отдала Распутину все деньги, но он потребовал большего... Она умоляла его не трогать ее. Но Распутин поставил ультиматум: или она исполнит его желание, и он попросит Государя о муже, или не показываться ему на глаза... И он, воспользовавшись ее нервным состоянием... овладел ею... и затем несколько раз приезжал к ней в гостиницу».

О таких же безвестных «дамах», у которых Распутин вырвал «задаток», рассказывает и Жуковская.

Однако отметим брезгливость, почти ненависть Распутина к тем безвестным женщинам, которые переспали с ним. И еще «Воспользовавшись ее нервным состоянием... овладел ею», – так Белецкий говорит об «одной даме» с ее же слов.

Имен этих женщин Белецкий опять же не указывает – по той причине, что и они, как правило, со странной стремительностью исчезали из квартиры на Гороховой.

16 Любила ли она этого высокого худого мужчину со скучными невыразительными глазами. Если бы ее спросили об этом, она бы с первого дня ответила: «Не любила и не смогла бы полюбить никогда». Да, он не вызывал в ней никаких чувств. Родители так хотели, чтобы она непременно вышла за него замуж и из дочки купцов захудалого рода стала княгиней Шаховской, а ее дети, их внуки были бы потомками знатного аристократического рода, предками которого числились не много не мало сами Рюриковичи. Сам князь был небогат и был рядовым инженером и никакими особыми талантами, и достоинствами не блистал. Но что ей княжеский титул? В свете таких, как она, считали выскочками, чем-то вроде мольеровских мещан во дворянстве. Принимали у себя, но сильно их не почитали. Сколько сейчас таких развелось мещанок во дворянстве? Что с того, что князь был небогат? Не это было его главным недостатком в ее глазах. Да и приданное ей досталось неплохое. Так что она могла ни в чем себе не отказывать. Она могла себе позволить и модные наряды, и дорогие рестораны. Но супруг смотрел на это как на мотовство, хотя ничего ей не запрещал. Князь был скучен. В ее девическом представлении будущий ее избранник – непременно витязь, герой, князь Гвидон, который

сокрушает врагов налево и направо, и ничего на свете не боится. И жизнь рядом с ним – это сплошное приключение и сказка. Князь пошел по гражданской линии и стал инженером. Фи! В инженеры шли дети попов, лавочников, крестьян-лапотников. Но князь – инженер – это же несочетаемые понятия. Это всё равно, что рыцарь с пастушеским бичом. Целыми днями он пропадал на своем заводе. Она даже ни разу не поинтересовалась, что это за завод. Все заводы были для нее на одно лицо. Длинные кирпичные здания с мутными грязными окнами, дымящими день и ночь трубами, где всё гроыхает, скрежещет. И рабочие, худые, с закопченными лицами, узловатыми большими кистями рук. Вечером за ужином он непременно рассказывал ей про заводские дела, разные железные механизмы, наверно, считая, что ей это может быть интересно. Потом садился в кресло, долго читал газеты, комментировал новости. Она с трудом скрывала скуку. Она не знала, чем занять себя. Стала брать уроки верховой езды. В ее представлении аристократы непременно должны ездить верхом. Он сказал, что это опасно в ее положении. Она была беременна. Тогда она стала ходить на курсы водителей авто. И скоро уже лихо гоняла по улицам, постоянно давя на клаксон и пугая прохожих. Но и это он объявил опасным и совершенно не женским занятием. Не женским и предосудительным оказалось ее посещение тира. Она быстро овладела различным оружием и метко поражала цели, что вызывало восторг у мужчин, наблюдавших за нею. Не предосудительным было сидение часами со спицами и клубками и визиты к многочисленной родне, которая оказалась такой же скучной, как и ее супруг. Художественные вкусы его сформировались еще в прошлом веке. Он ходил исключительно на классическую музыку, желательно на французскую или итальянскую оперу. А всяких модернистов от искусства не признавал, записывая их всех скопом в бездарности. Нового театра он тоже на дух не переносил. Горького называл плебеем, Куприна бездарным бытописателем, аэропланы называл этажерками для самоубийц. Когда она предложила ему съездить во Францию в Ниццу, он удивленно посмотрел на нее, как будто она предлагала ему что-то непотребное. Подергал за чем-то кончик уса. - Душечка! (Ее коробило, когда он называл ее душечкой). Ты в положении. Тебе надо беречься. И всякие дальние поездки не безопасны. Знаешь, в дороге может что угодно случиться. И плод может пострадать. Он так и сказал «плод», как будто там внутри ее какой-то чан с яблоком или ананасом, который нужно всячески оберегать, не допуская треволнений, тряски, порывистых движений. Она попыталась читать любовные романы. Но российские были глупы, а во французских много

плотской страсти, о которой она, замужняя женщина, не имела представления. По ночам он время от времени исполнял свой супружеский долг с такой же ответственностью, как исполнял и гражданский долг. Может быть, все эти страсти выдумала романисты, а, может быть, и не выдумали. Но чтобы узнать об этом нужны мужчины-рыцари, Ланселоты, а не скучные гражданские инженеры, в душах которых не то, что огня, но и малейшей искорки не было. Неожиданно в ней проснулся интерес к газетам и иллюстрированным журналам. В них она искала рассказы о героических личностях и с жадностью читала их. Как она завидовала этим людям, которые жили настоящей жизнью, испытывали сильные страсти. Это были путешественники к полюсу, покорители горных вершин, авиаторы, революционеры. Они не боялись опасности, презирали смерть. У них была яркая насыщенная жизнь. Да, они рискуют. Но как сказано у поэта: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Она хотела упоения. И чувствовала, что нынешнее обывательское существование не для нее. Еще не родился ребенок, а она уже ненавидела мужа, и предстоящее материнство ее не радовало. Нет, она родилась и живет не для этого. Ей суждена другая жизнь. **17** Она увидела, как бежит по просторной зале. Счастливая. Ей сшили новое платье. Она не могла просто стоять и крутиться перед зеркалом. Ее переполнял восторг. Она всем говорила, какая она красивая в новом платье. Волосы ее растрепались, щеки горели. Если она останавливалась на мгновение, то подпрыгивала на месте. Отец подгибает колени, раскидывает руки и пытается ее поймать. Но она в самый последний миг увертывается от него и звонко смеется. «А вот и не поймаешь!» Она непоседа. Не может посидеть на месте ни одной минуты. Ей постоянно надо куда-то бежать. Самое утомительное для нее сидеть за обеденном столом. Она бы и ела на бегу, но ей этого не позволяют. Мама вздыхает. Она не знает, как приучить дочь сидеть на одном месте. Родители в ней души не чают. Черноволосая, с большими цыганскими глазами. Настоящий ангелок. Но ее не удержат на коленях, чтобы поласкать и потетешкать. Когда приходится давать ей домашнее образование, учителя не знают, хвалить ее или укорять. Она доставляет им очень много хлопот своей неусидчивостью, подвижностью. Мадам, которая обучает ее французскому языку, сообщает родителям: - У нее феноменальная память. Достаточно мне произнести довольно пространную фразу два раза, и она повторит ее безошибочно. Но никакой усидчивости. Удержать ее на одном месте невозможно. Ей постоянно куда-нибудь надо нестись. Кроме французского, ее учили петь и обнаружили в ней хороший слух и вокальные данные. Пытались усадить ее за рояль, но больше пяти

минут она не выдерживала. Она научилась быстро считать и совершать арифметические действия, с лету выучила несколько басен Крылова и стихотворений Майкова и Фета, которые она рассказывала всем по несколько раз за день. Вступительные экзамены сдала без всяких затруднений. Учителя сразу выделили эту красивую способную девочку, которая отличалась необычайной любознательностью и засыпала их вопросами. Но поведение. Ее не могли заставить спокойно сидеть. На переменах она верховодила и командовала девочками, которые ей беспрекословно подчинялись. Она придумывала новые игры, в которых было много беготни и крика. Отец был готов ей дать самое лучшее образование. И для этого он не пожалел бы никаких денег. Он верил в будущее своей дочери, что оно будет необычным, ведь она такая способная. У дочери всё есть: богатое приданное, красота, таланты. И нужно ей только одно – титул, чтобы потомки их рода вошли в состав российской знати и блистали при дворе. - Почему ты меня называешь княгиней? – спросила она отца. - Потому что ты выйдешь замуж за князя и уже твои дети будут княжеского рода. Конечно, и купеческие династии ничем не хуже, а в чем-то и лучше. Но титул – это есть титул. Отец погладил ее по голове. - Мы же не случайно назвали тебя Евгенией, что на языке древних греков означает «благородного рода». Я никогда не сомневался, что ты будешь принадлежать к нему. - Разве у нас, папа, не благородное происхождение? - Мы купеческое сословие. А благородным привилегированным сословием считается дворянство. Купец может быть уважаем в обществе. Но как бы он ни был богат, известен и почитаем, он всегда низкого происхождения и не имеет многого из того, что имеют дворяне. Будь он хоть семи пядей во лбу, его никогда не возьмут ко двору, не назначат министром или сенатором, не присвоят звания генерала. Ну, и в аристократические салоны ему нет входа. Это привилегия высшего сословия – дворянства. И когда ты станешь княгиней, тебя будут принимать в лучших домах, ты будешь посещать аристократические салоны, на равных общаться с министрами и дипломатами. О тебе будут писать в газетах и журналах, ты будешь носить лучшие наряды. Вот что тебе даст титул княгини. Эти отцовские слова изумили ее и заставили задуматься. Оказывается, что никакого равенства среди людей нет. До этого она считала, что люди ценятся по их достоинствам, внешности, способностям. Но оказалось, что это не так. Главным было то, кто твои предки. Но ведь никто не выбирает себе предков. А значит, это несправедливо. Теперь ей стало много понятно из того, что было в школьной жизни. Почему некоторые девочки, которые подчинялись ей и участвовали в общих играх, тем не менее давали ей понять, что она им не ровня, что они особые,

отличаются от нее. Скоро девчонки и их игры наскучили ей. Гораздо интересней было наблюдать за играми мальчиков, в которых было больше жизни и возможностей показать себя, доказать, что ты лучше других. Даже, когда мальчишки дрались, она не приходила в ужас. Она уговорила отца купить ей велосипед. - Но это для мальчишек,- отмахивался он. - Разве ты видела девочек, которые катятся на велосипедах? Разве девушки сядут на это двухколесное безобразие? Их юбки попадут в колесо, и они будут падать в пыль или лужи. И могут причинить себе увечья. И возможно получают травмы. - И совсем нет, папа! Прогуляйся по паркам, и ты увидишь на дорожках, что на велосипедах ездят не только юноши, но и девушки. А юбки, чтобы они не запутались в колесах, они прищепляют прищепками. Езда на велосипедах совершенно безопасная. Я не видела еще ни одного велосипедиста, который бы упал. Конечно, какое-то время придется учиться удерживать равновесие. Но думаю, это не сложно. Отец сдался и купил ей двухколесное чудо. Через некоторое время она уже гоняла по дорожкам, громко смеясь и пугая сигналами клаксона прохожих. Они смотрели на нее как на сумасшедшую. Она не могла увлечься чем-то одним и долго. Ей нужно было попробовать себя во всем. И велосипед ей надоел и был отправлен в чулан, где пылился среди других ненужных вещей. Она решила стать певицей и стала брать уроки вокального мастерства. Теперь часами по дому разносился ее пронзительный голосок. Учитель оценил ее способности. Но она бросила пение так же быстро, как и увлеклась им. Новым увлечением ее стала верховая езда. Тут уже отец не протестовал. Это же по-дворянски, аристократически. Дочь его станет настоящей амазонкой. Она же очень способная. Однажды на проселочной дороге она услышала протяжный сигнал. Обернулась. Ее догонял черный автомобиль. За рулем сидел мужчина в шлеме, больших черных очках, кожаной куртке. Костюм дополняли большие черные перчатки. Он хлестнула лошадь. Поскакала быстрее. И снова за спиной сигнал. Это ее злило. Она опять ускорила. Но автомобиль не отставал. Дорога стала шире. Сигнала, водитель поравнялся с ней. Приветственно помахал рукой в кожаной перчатке. Автомобиль подпрыгнул, выдохнул вонючий белый газ и обогнал ее, заставляя дышать этой гадостью. Но она не желала свернуть с дороги, туда, где чистый воздух. В этот день она поняла, что конная наездница - это ушедший век, анахронизм. Старину же и все, что с ней связано, ее душа не принимала. Она хотела быть впереди. Будущее за техникой, за этими железными аппаратами, которые изменят жизнь. **18** Она сделала последний вдох. Сердце ее остановилось. Голова склонилась к плечу.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>